

Нина
Сорокина

Русский вечер

роман

повести
и рассказы

Нина Матвеевна Соротокина

Русский вечер (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36306135

Русский вечер: роман, повести и рассказы: НПО «У Никитских ворот»;

М.; 2018

ISBN 978-5-00095-488-1

Аннотация

Автор этого текста известен читателям в основном по роману «Трое из навигацкой школы», послужившему основой для создания серии фильмов под общим названием «Гардемарины, вперед!».

Но начинала Нина Соротокина свою писательскую деятельность с рассказов, которые переводились на английский, итальянский, чешский, болгарский и норвежский языки.

В книгу входит также иронический детектив «Русский вечер». И рассказы, и роман написаны с юмором и любовью к своим героям, простым, внятным языком.

Содержание

Русский вечер	5
1	5
2	15
3	28
4	37
5	46
6	60
7	68
8	81
9	92
10	98
11	106
12	117
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Нина Соротокина

Русский вечер

© Соротокина Н.М., 2018

© Оформление. НПО «У Никитских ворот», 2018

Русский вечер

Роман

1

Мы улетали из Рима. Вероника опять куда-то пропала, удивительна ее способность растворяться в пространстве. Это неприятно, особенно когда пространство обозначается словом «аэропорт». Мы были рядом в зале у светящегося табло, когда искали наш рейс, она пыхтела мне в ухо, борясь с необъятным чемоданом на колесиках у стойки, где мы сдавали багаж, но как только мы прошли паспортный контроль и попали в благостную зону беспощинной торговли, Веронику сдуло. Я представляю, как она бродит среди бесконечных витрин, низко склоняется к стеклу, разглядывая приглянувшуюся безделушку, или цепко ухватывает галстук (Желтков их любит!), а потом независимым оценивающим взглядом рассматривает продавщицу.

Вероника непредсказуема, ее необходимо найти и обезвредить. Мы улетали вдвоем, вся наша группа уехала вчера поездом в Неаполь, поэтому я могла рассчитывать только на свои силы. Тень скандала преследовала меня во время всей поездки. Только первые дни, когда мы путешествовали по

северу Италии и мне не была известна Вероникина тайна, я была спокойна. Тетку надо найти немедленно! Неужели она почувствовала мою ненавязчивую опеку и теперь прячется за чужие спины? Только бы довести ее до дому и сдать на руки Желткову, ее законному супругу.

Сразу оговорюсь. И я, и Вероника принадлежим к тому возрасту, когда женщин у нас гуманно называют дамами. Это в девятнадцатом веке Тургенев писал: «Вошла старуха сорока шести лет», а мы дамами и помрем. Я пребываю на рубеже пенсионного возраста, Вероника, моя тетка по отцу, на двенадцать (или около того) лет меня старше. В Риме мы выглядели чрезвычайно респектабельно. Эта респектабельность, язвы ее, и сыграла с нами злую шутку. Но об этом впереди.

Туристский сезон только начался, а народу было невпро-ворот. Среди отъезжающих я вдруг увидела знакомое лицо. Первым движением было подойти и... хотя бы улыбнуться, но я вовремя опомнилась. Сейчас он мне даже не соотечественник. Когда-то актер советской республики, а ныне, как мне говорили, богатый человек, он и теперь часто мелькал по телевизору.

Олигархи не любимцы публики, им не принято дружелюбно улыбаться, а сейчас он больше нуждался в сочувствии, чем в признании его былых заслуг. На экране он не выглядел таким полным. Это был человек-гора, а вернее сказать при его незначительном росте, человек-холм, измученный, одышливый, в мятой рубашке, с опустившимся ниже

живота ремнем, в смешных стоптанных туфлях из свиной кожи. Хилари, незабвенная супруга Клинтона, говорила, что в Америке богатого человека от бедного можно отличить только по зубам. У бывшей кинозвезды и зубы были ни к черту, он ими как-то болезненно цокал и морщился. Неприкаянный, он бродил между магазинчиков и витрин.

Заинтересовали его песочные часы. Это был не медицинский, а сувенирный экземпляр. Нарядные, с блестящими стеклами, широкими устойчивыми донцами, обрамленными резным орнаментом, они вполне могли бы украсить каминную доску или письменный стол. Они вызывали бы эстетические чувства, а также напоминали о вечном, как пепельница в виде черепа. Он перевернул часы, внимательно наблюдая, как сыплется чистейший песок, потом нагнулся к продащице.

– Мне в трех экземплярах, – сказал он на плохом английском.

«Неужели он будет дарить песочные часы друзьям? – подумала я отвлеченно. – Или собирается каким-то неведомым способом удлинить собственное время?» Песчинки беззвучно ныряли в вечность.

Я потому так подробно описываю бывшего соотечественника, что он на время отвлек меня от поисков тетки и пустил мысли по ложному следу. В нашей истории бывшему актеру не нашлось роли, он так и остался ружьем на стене, которое не выстрелило. И вообще... На какие глупости мы выбрасы-

ваем походя минуты и часы! Где Вероника, черт подери?!

Пассажиров нашего рейса пригласили на посадку. Так и не найдя Вероники, я прошла личный контроль – загадочное магнитное устройство, перед которым надо снимать кольца, браслеты, часы, а потом долго, путая английские слова, объяснять, что «звенит» во мне металлическая коронка во рту, снять которую я не имею возможности. В отстойнике, последнем помещении перед посадкой, я уже не волновалась, потому что все чувства во мне вытеснила слепая ярость. Если этой старой дуре вздумалось остаться в Италии без единой копейки, вернее без лиры, – это ее проблемы. Если ее – Утку утлую (детское прозвище) – заграбастают карабинеры, это тоже ее заботы. Так ей, скрытой террористке, и надо!

Вероника нашлась в самолете. Когда я вошла в салон, она сидела у иллюминатора на моем месте, рассматривала пассажиров и сосала карамельку. Вид у нее был совершенно невозмутимый.

– Лизочек, девочка, куда ты запропастилась?

Она знает, что я ненавижу, когда меня зовут Лизочек, который, как известно, «так уж мал, так уж мал». Во мне росту метр семьдесят три и сорок первый размер обуви. Если Вероника зовет меня Лизочек, значит, потеряла бдительность и подлизывается. И уж если вспоминать клички, то в благодные минуты тетка звала меня «императрицей» в честь Елизаветы Петровны. В этом прозвище я не вижу ничего обидного, и не потому, что обладаю имперским комплексом. Я

не умею ни править, ни руководить. Но в Риме именно я составляла маршруты всех наших прогулок, а Вероника подчинялась мне с такой охотой и радостью, так искренне славилась мои знания и вкус, что прозвище теряло свой обидный привкус.

– Лизонька, я тебя всюду искала и перепугалась не на шутку, – проблеяла Вероника и осторожно зевнула, прикрыв пальцами рот. – Сознайся, ты завела очередной роман?

Это дежурная тема. Видимо, тетка недогуляла в своей в общем тихой жизни и потому в Риме старалась приклеить меня к любому мужику в нашей тургруппе. Ее не смущало, что обладатель штанов моложе меня на десяток лет, или отягощен женой, или держится бирюком и дружит только с видеокамерой. Как заправская сваха, она выталкивала меня вперед и кокетливо просила любого подвернувшегося под руку индивидуума поднести чемоданы, заправить фотоаппарат пленкой, помочь влезть в автобус, открыть дверь в номер, потому что «у нас ключ прокручивается». Большого труда мне стоило отвязаться от лишних попутчиков и самостоятельно обойти Колизей и прочие достопримечательности. Только в Ватикане мы были с группой. И тут пожалуйста вам... «очередной роман»!

Объясняться было бесполезно. Первый час полета я молчала, потом мы ели, потом мы спали и, наконец, помирились. Нужно быть объективной. Я люблю свою тетку. Она покладистый человек, очень удобна в общении, чрезвычайно спо-

койна. Надо отдать ей должное, в Риме Вероника была в восторге от любого моего предложения. Она тонкий человек. Она так же, как я, не понимает, зачем нужны дети. Вероникин сын канул в дебрях Соединенных Штатов, кажется, преподает где-то русский язык, не звонит, не пишет, только изредка посылает очень небольшие деньги. Моя Янка рядом, а что толку? Тратишь на детей половину жизни, а потом они только и хотят, что от тебя избавиться. Правда, у Вероники есть верный Желтков. Он всегда болен, скучен, как понедельник, это Монблан пессимизма, а Вероника и с ним умудряется быть терпимой.

Она умеет попросить совета, спросить вкрадчиво: «Объясни, права я или нет?» И когда ей объяснишь, что она совершенно не права и ведет себя как последняя болваниха, умеет здраво принять критику и согласиться. Мне нравится ее отношение к миру, эдакое саркастически-насмешливое. В ней есть некая отстраненность от пустой суеты. С ней интересно разговаривать. Тетка мудра, она начитанна, у нее широкий круг ассоциаций, и не ее вина, что на старости лет она стала олицетворением хаоса.

Так я успокаивала себя в воздухе, но на земле все эти заклęcia полетели в тартарары. Преисподняя разверзлась под лентой конвейера, где получают багаж. У меня была только ручная кладь – сумка с парой кофт и запасной обувью. Вероника, как уже было упомянуто, получала чемодан на колесах, набитый шелковым, старинной выпечки шмотьем и су-

венирами, которые она добыла в большом количестве.

В Домодедово получение багажа событие серьезное и длительное. Вот бы где стоило использовать песочные часы. Это был бы изощреннейший вид пытки. Но я не об этом. Я умею ждать. Дело в том, что Вероника поставила меня возле колонны, всучила мне в руки жесткий белый конверт и сказала:

– Стой здесь. Я буду ловить чемодан, а ты подними конверт повыше. Он к тебе подойдет, спросит: «Вы Елизавета Петровна?» Ты ответишь: «Да», – и отдашь ему конверт. На всякий случай – его зовут Игорь.

– Какой Игорь? – удивилась я.

– Молодой человек. Какая тебе разница? Я обещала в Риме передать этому Игорю конверт. Когда тот человек, который передавал мне конверт, описывал по телефону наши приметы, я сказала, что буду в синей кофте.

– Но зачем ты моим именем назвалась? – Дальше кричать и вопрошать в жанре трагедии было бесполезно, Вероника растворилась в пространстве.

Я стояла с поднятым в руке конвертом пять минут, потом десять, ну и так далее... Когда Вероника появилась, ведя за собой упирающийся чемодан, я опять была на грани срыва.

– Вероника, объясни толком, зачем я здесь торчу?

– Потому что нет Желткова. В противном случае мы бы давно уехали. Неужели машина сломалась? Этого нам только не доставало! Что ты на меня кричишь? Мужчина средних лет, ближе к пятидесяти, – она сделала интересное лицо, –

попросил меня передать фотографии своему племяннику.

– Это кто-то из нашей группы? Из тех, кто поехал в Неаполь?

– Да нет же! Совершенно незнакомый человек. Насколько я поняла, он в Риме проездом. По-русски говорил чисто, но, знаешь... чуть-чуть с акцентом. Может быть, он литовец или эстонец. Блондин, между прочим. Вернее, седой. Но седина очень эффектно подкрашена – в голубизну. Может, он синькой волосы полощет... Естественно, я не могла ему отказать.

– Но зачем ты подставила меня? – вскричала я с негодованием. – Мы торчим здесь уже час или больше того!

– Желткова пока нет, так что ни минуты из твоего драгоценного времени мы не потеряли.

– Да разве в этом дело? Откуда ты знаешь, что в этом конверте? Мало ли что мог передать тебе фрукт с подкрашенной сединой!

– Ну не бомбу же! Он при мне положил сюда фотографии и запечатал конверт. А чего особенного? Я постоянно хожу на Киевский вокзал и посылаю на Украину посылки желтковской родне. И никогда ничего не пропало. Людям, моя дорогая, надо доверять.

– А если этот Игорь вообще не придет?

– А куда он денется? О! Желтков! – Вероника подхватила чемодан и быстро засеменила к мужу.

Я пошла за теткой. Я решила быть пассивной. Мне никто никаких конвертов не отдавал. Это Вероникин грех, и пусть

она берет его на свою беспечную душу. Расцеловались, сели в машину, поехали. Первые вопросы касались Муси, старой беспородной суки. Это нервное, бровастое и усатое существо серо-бурой шерсти с голым, нахально торчащим хвостом было не просто любимицей и членом семьи. Если бы Муся умела водить машину и вскапывала по весне огород, Вероника, конечно, предпочла бы ее Желткову, и развод был бы неминуем.

Я дождалась паузы в разговоре и сказала, что меня ни в коем случае не надо подвозить к дому, что я налегке, вылезу на окружной у Калужского шоссе и замечательно доберусь домой на государственном транспорте. Машина ехала на Соколиную Гору, где Желтковы, сдав свою московскую квартиру, жили безвыездно в крохотном домишке, прозываемом хибарой. Домик был построен еще в советские времена на узком, Г-образном участке. В благие времена нашего сомнительного капитализма Веронику только потому не согнали с дорогостоящей земли, что этот участок был слишком мал и неудобен. Теперь супруги поспешали домой. Желтков сэкономил бензин, Веронике не терпелось обняться с Мусей. Со мной не стали спорить. И тут Вероника вспомнила про конверт и неведомого Игоря.

– Лизонька, киска, тебя не затруднит отдать этот конверт адресату?

– Затруднит, – я немедленно бросила конверт Веронике на колени.

Нет и нет. Оказывается, я не понимаю, как все просто. В Риме на всякий случай Вероника взяла у латыша или эстонца московский телефон племянника. Она, Вероника, едет на дачу, где, как известно, нет телефона. Глупо, в самом деле, ехать сейчас в Москву, когда у нее столько дел с огородом. Неведомому Игорю надо просто позвонить, он приедет за конвертом в условленное место. И все! Конечно, она меня уговорила.

– Ладно. Давай телефон.

Вероника долго рылась в сумке, перебирала какие-то бумажки, потом сказала:

– Нашла! – и вручила мне старую телефонную квитанцию с косо написанным на ней номером.

Уже выйдя из машины, я задала контрольный вопрос:

– А если я не доберусь до этого Игоря? Если он не подойдет к телефону?

– Тогда выброси конверт в помойное ведро, – тетка чмокнула меня в щеку и вернулась к разговору с Желтковым о Сикстинской капелле и собачьих кормах.

Разумеется, я не сразу позвонила этому Игорю. Первое, что я сделала, вернувшись домой, – поругалась с дочерью. Видит Бог, на этот раз не я начала. Яна вела себя так, словно в руках ее не телефонная трубка, а иерихонская труба. И она в нее трубила.

– Как Соня?

– А что ей сделается? Здорова. Ждет тебя. А твой замечательный Барсик обгрыз пальму и саженец фикуса, разбил синюю греческую вазу и, как собака, пометил все углы. В доме вонища, не продохнуть.

– Он скучал...

– Неправда твоя, он веселился. По ночам сочинял марсианскую музыку, прыгая по клавишам, будил Соньку, а я потом снотворное принимала.

– Ну, положим, крышку пианино положено закрывать. Я тысячу раз говорила об этом Соне. Открытый инструмент пылится.

– Мама, отставь в сторону свой педантизм. Не об этом сейчас речь.

– Ты бы лучше спросила, как я себя чувствую.

– Твое здоровье мы обсудили позавчера. На десять долларов наговорили. А про Барсика я не рассказала, и не из экономии, а потому что не хотела портить тебе в Риме настро-

ение.

– Понятно, теперь я вернулась домой и можно продолжать сводить меня с ума. А мое здоровье – вовсе не пустой звук. Италия – серьезная нагрузка на мой артрит.

– Ма-ма! Окстись! Сколько я себя помню, ты талдычила об Италии. Ты мне все уши прожужжала, мечтая о своем божественном Боттичелли.

– Это, кстати, не самая плохая мечта. Ты, насколько я понимаю, мечтаешь совсем о другом! А Барсика я заберу завтра же. Помыться ты мне разрешишь?

Дальше – непереводимая игра слов. Я согласна, у меня трудный характер, согласна, что яблоко от яблони не обязательно падает под его ствол, но чтобы откатиться в чужой огород... Большой скандалистки, чем моя дочь, не сыскать во всем мире. Но не в этом дело. Будь она главной скандалисткой хоть во всей вселенной, я бы простила ее. Не стоит серьезно относиться к словесным перепалкам, главное – поступок. А поступки Янины – рот открыть и не встать.

До седьмого класса она считалась в семье умной, в восьмом классе ее стали называть красавицей. Второе ее приобретение полностью вычеркнуло первое. Я вообще удивляюсь, как она окончила школу. А эти ее кислотные наряды и развлечения на дискотеках! На иглу не села, и на том спасибо. Хотя не исключено, что она попробовала наркотики, скорее всего, они ее просто не взяли.

В институт поступила с третьего раза. Денег на репетито-

ров угрожали уйму, тогда еще муж был жив. Учись, доченька... Училась она, кстати, неплохо. Кажется, неплохо, но на четвертом курсе «принесла в подоле». От ребенка она не избавилась только из-за крайней беспечности, излишняя совестливость или сентиментальность не в правилах моей дочери. Как она сама говорила, «сильно запустила процесс». Когда сообразила, что к чему, аборт уже смахивал на убийство.

Кто отец ребенка, я не знаю до сих пор. Сколько мы ее ни уговаривали, ни увещевали – бесполезно. А потом перестали спрашивать, не до того было. Мы жили ужасно! Паша болел – рак, рядом малютка, у Янки государственный экзамен. Одна радость – Паша увидел перед смертью внучку. Образ Сониного отца тревожит меня до сих пор.

Как только мы остались одни, Янка потребовала размена квартиры. Вначале я воспротивилась. По всем человеческим законам разумно было жить под одной крышей. Бабушками не бросаются. Но, оказывается, я совершенно не вписываюсь в образ жизни моей дочери, оказывается, находясь рядом, я непременно загублю ее карьеру и подавлю ее как личность. Кончилось дело тем, что Янка с Соней получили маленькую двухкомнатную, а я большую однокомнатную, уехав в подмосковный городок, который в подлые времена сталинизма-брежневизма имел гордую приставку «Академ».

Дальнейшая жизнь дочери для меня протекала как бы в тумане. Внешне все выглядело замечательно. Янка работала

в какой-то фирме, Сонечка росла на руках у приходящей няни. Но всегда есть могучее «но». Образ жизни моей дочери, в который я не вписывалась, называется теперь очень прилично – иметь друга. А по-моему, она просто содержанка. Иначе откуда дорогие духи, побрякушки с сапфирами, роскошные манто и прочая дребедень? Кроме того, я подозреваю, что «дружила» Янка одновременно с несколькими бойфрендами. Легко представить, кем были ее клиенты. Партократы после девяносто второго года ослабили власть, потеснились, и в освободившуюся нишу хлынул уголовный элемент.

Пусть я сильно преувеличиваю, может, на деле все было не так ужасно. В мое время это называлось «иметь любовников». Но черта нам эти любовники платили! Отдавать любовь за плату считалось верхом безнравственности. И подарки чаще дарили мы им, а не они нам. У них все деньги жены отнимали.

Потом Яна обнародовала свои сексуальные отношения. На этот раз миру был представлен немолодой, некрасивый и очень богатый армянин. В семье он назывался Бизнесмен. По отношению к Янке он вел себя вполне порядочно: обеспечил ее новым жильем и положил на имя Сони некую сумму денег. Оформить брак они не успели, потому что армянин попал в автокатастрофу. По телевизору говорили, что его убили.

Меня этот Бизнесмен очень интересовал. Отношения их с Яной длились три года, и за все это время я с ним ни разу

толком не поговорила. Что сейчас наиболее точно характеризует эпоху и человека в ней? Понятно что – каким способом он зарабатывает деньги. А вот это как раз и невозможно узнать. Говоря в новой терминологии, наш Бизнесмен был «непрозрачен». Меня это несказанно раздражало. Я, например, абсолютно «прозрачна»: работаю за мелочь в библиотеке и живу за счет Янкиной квартиры, которую сдаю. А ты? Чем ты зарабатываешь? Нефтью, памперсами, итальянской мебелью, рэкетом? Однажды я спросила об этом у Янки. И она мне ответила. Если бы слова стреляли, на моем теле обнаружили бы миллион ран. Лучше бы я молчала.

Да, мне не нравится ее образ жизни. Цивилизация явно пошла не по тому пути. Сейчас люди уверены, что надо холить тело, а не душу. Какую скучную, эгоистичную, бессобытийную жизнь надо вести, чтобы не забыть во избежание бессонницы накапать в ванну (так советует один глянцевого журнала, и Янка ему следует!) семь капель ароматического масла из сандала, ромашки, ванили и апельсинового сока. И в этом теплом компоте надо лежать пятнадцать минут. Далее гарантируется счастье.

В одной из своих книг Бердяев непрозрачно намекает, что у истоков промышленного прогресса стояло желание женщин хорошо одеваться. И уж тут мужики расстарались! Я это так понимаю: нужны были новые ткани, хорошие скорняки, ювелирных дел мастера, а также оружие, чтобы добывать украшения для баб у врага. С чего начали, к тому

и пришли. Ничто сейчас так трепетно не рекламируют, как прокладки, жвачку, шампуни и кремы. «Эмульсия и крем содержат клетки люпина и воздействуют на кожу сразу на трех клеточных уровнях...», «Новая очищающая маска создана на основе минеральной морской глины с северного побережья японского острова Хонсю...», «Увлажняющий крем содержит редкие брегатовые водоросли, улавливающие влагу и не дающие ей испаряться с поверхности кожи...» Кремы бывают вечерние, дневные, утренние, закатные, полуденные, для век, для щек, для лба, для ног, для рук, для подмышек, ягодиц, спины... Потребности становятся бездонными и необъятными, вырубаются леса, загаживаются реки, атмосфера утекает в озоновую дыру.

А как быть с наработанной веками человеческой мыслью? Люди решали высокие задачи, пытались постичь смысл жизни, понять, что есть добро и зло. Где это все? И ладно бы остался в обиходе дурацкий лозунг, мол, человек создан для счастья, как какая-то там дурацкая птица для дурацкого полета! Так нет. Оказывается, «человек создан для комфорта и секса» – это внушают нам современные идеологи. А две тысячи лет христианства куда? Псу под хвост? Вот, например, Иоанн Дамаскин...

Янка закрывала уши, смеялась мне в лицо, а потом кричала:

– Мать, как ты наивна!

Этой фразой она доводила меня до бешенства. Ответить

ей я могла только одним:

– Дочь, помяни мое слово, ты плохо кончишь!

Все, остановите меня! Про мои отношения с Янкой я могу рассказывать бесконечно. Следующий звонок я, как обязательный человек, сделала неведомому Игорю. Надо же было передать ему белый конверт. Судя по телефонному номеру, он жил где-то в центре. К телефону никто не подошел. Позвонила через час – тот же результат.

А дальше началась игра. Я набирала номер и попадала не туда. Потом было занято. Когда я перебралась с половиной Москвы и к телефону наконец подошел Игорь, то сразу выяснилось, что никакого конверта из Рима он не ждет и вообще я ошиблась номером. Проверили, действительно ошиблась.

Только к вечеру совпало все, раздраженный женский голос согласился, что это именно тот номер, который записан у меня на бумажке. И вообразите, это была прачечная, работающая без выходных. Безумная Вероника дала мне не тот номер. Она любит записывать нужные номера на случайных листках. Ну, стало быть, предсказания тетки сбылись. Игорь не получит передачку из Рима. Не ехать же мне к Веронике на Соколиную Гору за правильным телефоном. Да и не найдет она его уже никогда.

Я решила выкинуть конверт в помойку, но остановила себя. У меня суеверное отношение к фотографиям. В конце концов, это застывшие живые люди. Я зримо представля-

ла, что они будут лежать, соприкасаясь лицом с картофельной шелухой и прочей гнилью. В мусоросборниках шныряют крысы. Моя покойная свекровь говорила, что фотографии даже незнакомых людей нельзя выбрасывать в мир беспризорными, это плохая примета. Хочешь избавиться от фото, его надо сжечь. Где это я буду устраивать костер в современной квартире? Пусть полежат чужие знакомцы. Может, произойдет чудо, и Вероника вспомнит нужный номер телефона.

* * *

Первое, что подвернулось под руку на следующее утро, был белый конверт. Ни при каких обстоятельствах Елизавета Петровна не стала бы вскрывать чужие письма. Но в этом конверте хранились уже ничьи тайны. Она не знала получателя, не видела отправителя и, движимая не столько любопытством, сколько чувством неудобства от невыполнения чужой просьбы, вскрыла конверт.

Четыре фотографии одного формата, яркие, глянцевые, как конфетные обертки. А это что такое? CD-диск. Зачем? CD-диск был обернут в белую бумагу, неудивительно, что Вероника его не заметила.

Легкий холодок пробежал меж лопаток, сердце откликнулось аритмией, от напряжения вдруг заныла шея. Дискеты, CD-диски, принтеры и файлы принадлежали совсем чу-

жому миру. В библиотеке были компьютеры, но Елизавета Петровна не подходила к ним на пистолетный выстрел. На этих новомодных машинах работали две молодые сотрудницы, и, если надо было быстро уточнить номер каталога или проверить сохранность научного фонда, она обращалась к ним и со скрытой опаской наблюдала, как порхали по клавишам легкие наманикюренные пальцы. Если честно говорить, Елизавета Петровна до сих пор была уверена, что если монитор напрямую подсоединить к сети и антенне, то он будет работать как телевизор.

Если нормальный человек посылает пояснение к фотографиям или частное письмо, то он пользуется писчей бумагой. А уж если у него что-то написано на диске, то не проще ли послать сообщение по интернету? Или она чего-нибудь опять не понимает? А если эта пластмассовая штучка таит в себе какую-то опасность, то ее надо немедленно выкинуть. Тайной информации, записанной таким способом, будет вполне уютно в помойке, а фотографии она сожжет на свечке.

Кто же эти люди – в фас и в профиль? Вначале она видела только уши, носы, галстуки и воротники, потом всмотрелась внимательнее. Первая фотография была сделана в музее или на выставке. На отрешенно-белых стенах висят полотна в рамах, рисунок и композиция не угадываются, сплошные пестрые пятна, отдаленно напоминающие подсолнухи, лица малайцев или плавающие в пруду дыни. В углу помещения

высится громоздкая скульптурная композиция – нечто вроде поставленного на попа железного таракана.

В этой декорации разместились четверо людей. Дама в синем платье с V-образным воротом и гранатовыми бусами, судя по умильному выражению лица, рассматривала нечто не попавшее в кадр и принадлежавшее культуре, двое носатых мужиков, их профили словно рисовали под копирку, вели свой оживленный разговор, а на переднем плане торчал молодой узкоплечий мужчина с прилизанными волосами, в темных очках и белой спортивной куртке. Прилизанный выглядел очень независимо, руки в карманах, вид надменный, он явно собирался к кому-то обратиться, еще секунда, и он откроет рот. Елизавете Петровне он не понравился. А дама в бусах понравилась. У нее были очень густые, пряменькие брови, придававшие ей вдумчивое выражение лица, и очень длинные мочки ушей, серьги небось носила по килограмму.

На втором снимке три мужика стояли рядом с роскошным красным лимузином: один затылком к зрителям, другой в профиль, третий в фас. Похоже, ни один из них ранее не интересовался искусством, во всяком случае, на первом снимке их не было. Тот, который в фас, имел приятное лицо, не из интеллектуалов, а так... простодушный тип, герой второго плана. Пушистые белые волосы и очень выразительные брови. Свет так падал, что они казались шелковыми, так и хотелось их погладить. Нет, пожалуй, он все-таки герой первого плана. Огромный, выше всех на голову, лицом он был по-

хож на молодого Твардовского или Есенина... Словом, приятный. А насчет мужчины в профиль Елизавета Петровна, пожалуй, ошиблась. Похоже, тот же хищный нос уже обнюхивал выставку. Но на первой фотографии у него были запысины, а здесь их нет. Бывает... может, в парикмахерскую зашел и прическу поменял.

Дальше... кафе на улице, круглый стол под зонтом, а над столом три хмурые мужские физиономии и один затылок, о чем-то спорят, а может, ругаются. Полупрофиль в очках – явно тот узкоплечий с выставки. Лицо было плохо видно, черные очки прикрывали даже щеки, но наличествовал характерный череп и гладкие, словно приклеенные волосы. Мужчину слева можно было определить как «лицо грузинской национальности», словом, типичный итальянец, затылок не имел никаких признаков, кроме того, что был давно не стрижен, а в центре восседал некто хмурый и злой. У него были белесые, словно бельмами скрытые глаза, однако неизвестно откуда возникало ощущение, что он видит не только внешнюю оболочку своих собеседников, но и сердце их, и почки, и вся прочая требуха для него не тайна.

Только четвертая фотография могла по праву разместиться в семейном альбоме. Чье-то пиршество – парадное, улыбочивое. Люди на трех первых фотографиях явно не подозревали о наличии объектива, а персонажи на четвертой откровенно позировали. Они и расселись так, чтобы всем войти в кадр. Елизавета Петровна поймала себя на ощущении внут-

ренного дискомфорта. Что-то ее задело, испугало или опечалило. Но что? Какое ей дело до иностранных мужчин, снятых скрытой камерой? Или ей не понравилось семейное торжество?

Она пододвинула к себе четвертую фотографию с застольем. Странная какая-то пирушка, почему-то на черной скатерти. Прямо-таки сатанинская месса. Три пары... едят. А это... У Елизаветы Петровны пресеклось дыхание. В даме с пышной прической и темным, разметавшимся на жемчужной шее локоном она узнала свою дочь.

– Яна, девочка моя, ты как здесь? – прошептала она, подсознательно ожидая, что дочь, как на рекламном ролике, вдруг оживет, повернет к ней лицо и скажет с раздражением:

– Мам, ты опять за мной следишь? От тебя невозможно избавиться!

В поисках ответа Елизавета Петровна обратила взор к пластмассовому диску, потом заглянула в конверт, словно надеясь там найти объяснение. И, к удивлению своему, обнаружила там еще один снимок. На этот раз это была не фотография, а просто плотная бумага. Елизавете Петровне не пришлось на ум слово «ксерокс», не это ее сейчас занимало.

На снимке был изображен труп. То, что это был именно труп, было ясно с первого взгляда. На этот раз он был без очков, но Елизавета Петровна его сразу узнала. Серый пиджак был залит кровью, хорошо просматривалось и место пореза. Его убили никакой не пулей, а финкой в бок. Но от-

куда в Италии финки? Слово пришло из далекого детства, из старой, уголовной послевоенной романтики. Она перевела взгляд на беспечно улыбающуюся дочь. Рядом с ней, ласково щурясь в объектив, сидел убитый. Елизавета Петровна только потому не упала в обморок, что не знала, как это делается.

В воскресенье тринадцатого мая Елизавета Петровна поехала в Москву в Потаповский переулок. Ранее планировалось радостно обнять дочь и внучку, выложить подарки и устроить клуб путешественников на дому, но после опасной находки Елизавета Петровна поняла, что говорить о чем-либо, кроме белого конверта, она просто не в состоянии.

Видимо, явилась она в недобрый час. Яна была взвинчена до предела. Из отрывочных фраз дочери она поняла, что на этот раз неприятности произросли на ниве воспитания. Уместно было бы спросить, в чем на этот раз провинилась Соня, но у Елизаветы Петровны не было сил распыляться на мелочи.

Она вытащила фотографии, разложила их на столе и, стараясь быть по возможности объективной и бесстрашной, обрисовала мифологему белого конверта. Яна хмуро курила, стряхивая пепел мимо пепельницы. Фантастический поворот событий воспринимался ею поначалу как очередной трюк, с помощью которого мать могла выкрикнуть уже навязший на зубах упрек. На фотографии Яна не смотрела, тем более Елизавета Петровна, опасаясь любопытства внучки, деликатно прикрыла «сканированный труп» тарелкой. По мере развития сюжета голос ее забирался все выше, выше, ей уже понадобился платок, чтобы промокнуть глаза и

скрыть набегающие слезы. Картина прорисовывалась страшная. Яне надоели все эти ужасы, и она стремительно вмешалась в рассказ, сразу, как молотком по стеклу, чтоб все глупости – вдрызг.

– Мам, ты базар-то фильтруй! Что ты несешь? Что значит – «опять влипла в историю»? Не мне прислали труп в конверте, а тебе. Это ты влипла в историю, о которой я ни сном ни духом.

– Давай поговорим спокойно, – взмолилась Елизавета Петровна. – Мы интеллигентные люди, мы не должны попадать в такие истории. Во-первых, я боюсь.

– А во-вторых?

– И во-вторых боюсь.

– А мне эти телевизионные страшилки давно надоели. Может, вас с Вероникой, двух интеллигенток, просто разыграли?

– Хорош розыгрыш! И эта ужасная фотография! Весь в крови валяется на тротуаре. Рядом ножка от стула... а может, от стола. Как ты очутилась в этой компании?

– За труп под столом я не в ответе. За столом – другое дело. Здесь сидят Риткины друзья. Впрочем, в Милане она Марго. Это – русский вечер. Тогда наделали кучу фотографий для какого-то журнала по интерьеру. Оттуда эту фотографию легко выудить.

– Но это не вырезка из журнала. И потом... Зачем кому-то понадобилось засовывать тебя в один конверт с убитым?

– Я с убитым не наедине. Там еще куча народу. Мам, утишись. Давай вначале кофе попьем. У нас выходной, ты наша гостья. Не будем гнать мутную волну. Поедим, а потом обсудим все начисто.

Яна умела красиво накрывать на стол и делала это быстро и ловко. Нарезала ветчины, поставила масло, творог и красную ядреную редиску в большой желтой плошке. Потом вскрыла нарезки с рыбой.

– Коньячку плескануть?

– Разве что капельку. А Соня ела? Ты коньяком не очень увлекаешься? – озабоченно добавила Елизавета Петровна.

– Дурочка ты, мам. Ну какая разница? На коньяке алкоголиком не станешь.

Яна нарезала тонкими ломтиками бородинский хлеб, аккуратно намазала маслом. Нет ничего вкуснее, чем свежий редис с бородинским хлебом. Барсик сидел на коленях у Елизаветы Петровны и время от времени совал нос в тарелку.

– Вообрази, что сделала эта дрянь, – сказала Яна неожиданно.

– Разве так можно про дочь?

– Тебе можно, а мне нельзя? Но я не про Соньку говорю, а про ее директрису, драгоценную Киру Дмитриевну. Она собрала родителей и объявила, что мы должны собрать деньги на ремонт.

– Но это же безумно дорого!

– Наши деньги Кира не экономит. Но это полбеды. Главное, она собирается произвести подробное медицинское обследование.

– Детей?

– Ну не родителей же! Хотя с нее станется. Обследование в нашем классе уже началось и идет полным ходом.

Елизавета Петровна несколько картинно изобразила удивление. Ясное дело, дочь ищет передышку. Фотографии задели ее за живое. Яна не умеет паниковать, она умеет ругаться. А кого же ей ругать, как не директрису. Дочери сейчас необходимо подыграть.

– Почему именно в вашем? Карантин, что ли?

– По ящуру, – хмыкнула Яна. – Какой может быть карантин? Сейчас май, пора гриппов кончилась. Желтухи в нашем районе давно нет. Детей начали обследовали на предмет того, хватит ли у них физических сил, чтобы осваивать их замечательную высокоученую программу. Они их учат целыми днями, и дети, видите ли, утомляются. Кира Дмитриевна ни в коем случае не собирается упростить программу. Она собирается поменять детей.

– Как это?

– А так. Если мы не будем подходить ее гимназии по медицинским параметрам, нам надо будет искать другое учебное заведение. А двести баксов, которые я ежемесячно платила этой авантюристке, – это не считается? Сейчас нам предстоит главное обследование – у психотерапевта. Матери взбун-

товались, поднялся крик.

– Где это видано, чтобы матери были против медицинского обследования своих детей?

– Мы живем в стране абсурда. Эти вшивые Песталоцци сами довели учеников до переутомления. Уже по первым показателям видно, что абсолютно здоровых в классе процентов двадцать – не больше. Сейчас мы должны пройти обследование у психотерапевта.

– По-моему, это просто очередные поборы. Психотерапевту тоже надо платить?

– Разумеется. Обследование производят лучшие врачи Москвы. Помнишь анекдот? Врач запрещал курить, а я дал ему тысячу, и он разрешил. Надо думать, что делать с ребенком.

– Вот на будущий год и будем думать. Сейчас Соньке осталось учиться двадцать дней. Я тебе тысячу раз говорила – отдай девочку в обычную бесплатную школу.

– В Москве сейчас нет обычных школ. Бесплатные школы только в зоне для малолетних преступников.

В комнате появилась Соня, глянула на стол, схватила ре-
диску.

– Ба, как ты думаешь, «сникерсни» пишется через «т»?

– А зачем тебе? – разволновалась Елизавета Петровна. – Почему ты вообще употребляешь это ублюдочное слово.

Соня повела плечом, пальцем подтолкнула очки к переносью.

– Марья Игнатьевна задала нам сочинение, в котором бы употреблялись новые слова. Ну, те, которые не употреблялись двадцать лет назад.

– Наверное, она имела в виду совсем другие слова, Например, интернет, компьютер, спонсор, луноход... А в слове «сникерс» никаких «т» на конце нет.

Яна надменно хохотала, в этот момент она явно не любила Марию Игнатьевну.

– Мама, при чем здесь луноход? Это словосочетание из твоей жизни. Это литературщина. А мы люди простые и современные. Мы говорим: заиксуй, отксерь, ваучерни! Мы говорим: тусовка, халява – и это круто! Мама, Пушкин жил чисто конкретно, а ты все про гобои и лютни!

– Сонечка, брось ты это сочинение, детка. Пойди телевизор посмотри. Там наверняка какой-нибудь мультик идет. А если нет, то киношку поставь на видик...

Соня удалилась, а Яна смела рукой чашки в сторону, на высвобожденное место положила принесенные матерью фотографии и сказала:

– Вообще мне все это очень не нравится. Я действительно не понимаю, зачем этому уроду понадобился наш русский вечер.

– Какому уроду? Извини, Яночка, но я иногда за тобой не поспеваю.

– Уроду, который в Риме передал тетке Веронике конверт.

– Судя по описанию, он был никакой не урод, а вполне

полноценный человек.

– Жалко, что ты не видела этого полноценного человека.

– А чем бы это помогло?

– Кто знает... – голос Яны звучал так таинственно и интригующе, что Елизавета Петровна решила было, что ларчик с тайнами сейчас и откроется, но дочь не приоткрыла завесы. – Ты уверена, что вот этот сидящий рядом со мной человек и есть убитый?

– Посмотри сама.

– Действительно, похож. И вообще он присутствует на всех фотографиях.

– На этой, где машина, его нет.

– Да, на этой фотографии другой действующий герой. Сообразить бы, какую информацию несут все эти снимки.

– Ты думаешь – несут?

– А как же! Зачем иначе посылать племяннику фотографию убитого?

– В конверте был еще диск.

– А где он?

– Дома.

– Мам! С тобой просто нет сладу! Почему ты его не взяла? Мы бы уже знали, какая на нем информация. Ладно. Доберемся мы до этого диска. Я думаю, что в начале пути он нам мало что объяснит.

– Это какого такого пути? Я предлагаю все это выбросить в помойку и забыть.

– Раньше надо было это делать. Теперь нам предстоит по капельке собирать информацию. Для начала скажи, какие первые мысли у тебя появились в голове, когда ты увидела меня на фотографии. Пусть они выглядят совершенно абсурдно.

Елизавета Петровна искоса посмотрела на дочь, шумно втянула воздух.

– Ну, говори, говори, что ты насупилась? – настаивала Яна.

– Я подумала, – и словно в ледяную воду шагнула, – что это имеет отношение к Сонькиному отцу.

Елизавета Петровна ожидала возмущенных возгласов, но Яна спокойно сказала:

– Нет, это за гранью абсурда. Кого в Риме может интересовать моя несчастная любовь? И потом, подумай сама, кому бы пришло в голову послать мне таким образом весточку?

Елизавета Петровна с ужасом подумала, что если дочь не топает ногами и не кричит: «Сколько раз я просила не вмешиваться в мою частную жизнь!», значит, дело действительно серьезное. Беда еще в том, что Янка о чем-то догадывается, но не желает в этом сознаться. Ишь как ноздри раздуваются. И все время запускает в волосы всю пятерню. Елизавета Петровна знала, что если у дочери начинает чесаться голова, то, значит, она чем-то сильно расстроена или возбуждена.

– А может, за нами следили? – Елизавета Петровна выпа-

лила первое, что ей пришло в голову.

– Не смей меня.

– Второй мыслью было, что все это каким-то образом касается Ашота, – осторожно добавила мать.

– Каким образом? Понимаешь, я была случайной гостьей на этой встрече. Она состоялась на второй день после моего приезда в Милан. Ритка давно готовила этот русский вечер, а я явилась очень кстати. Мне сказали, что я фактурная. Шесть человек за столом. Вкусная еда. Смешно, но я совершенно не помню этого типа, который сидит со мной рядом. Эти фотографии мне Ритка так и не прислала.

– Может, ты вспомнишь, какие велись за столом разговоры.

– Обычный треп. Не помню в какой связи, но имя Ашота там упоминалось. Ладно. Пока я вижу такой план действий. Я звоню в Милан. Ты привозишь мне диск. А теперь – спать. Уже поздно ехать в твою Десну, так что останешься ночевать. Так и быть, потерплю до утра твоего Барсика. Я тебе в гостиную постелю.

Яна была в Милане год назад, тоже весной, но ездила туда не по туристической путевке, а по приглашению подруги. Рита давно получила гражданство и считала Италию своей второй родиной. Она выскочила замуж через два года после школы, даже институт не успела кончить, и уехала в Милан. Брак оказался неудачным. Пьетро был награжден уничижительными кличками, как то сухарь, бухгалтер и жандарм, что не мешало Рите и в дальнейшем принимать его услуги. За квартиру в престижном районе, картины (случайные), скульптуры (в основном гипс, но очень хороший), две ваннные комнаты и пятнадцатиметровый увитый шпалерными розами балкон тоже платил сухарь и бухгалтер, хотя у него давно была другая семья.

Ну и что – квартира? Деньги на жизнь все равно приходилось зарабатывать самой. Спасла Риту феноменальная способность к языкам. Она переводила с русского на итальянский, с итальянского на английский, с английского на французский... Приходилось работать и синхронным переводчиком, а за это, как известно, хорошо платят. Беда только в том, что зачастую переводчиков было больше, чем работы. В черные дни Рита писала в журналы статейки про русскую культуру, незамысловатые, но броские, из которых следовало, что русские – такая нация, которая все делает наоборот.

Например, люди культурного Запада при ожоге отдергивают руку, а русские держат ее у огня до тех пор, пока она не обуглится, при этом страдают и от страдания получают удовольствие. Конечно, в подобном изложении Риткиных работ есть некоторое преувеличение, но общее настроение было именно таким. Еще Рита устраивала выставки, что-то делала в кино и на радио, словом, волка ноги кормят.

Но ни лицом, ни фигурой, ни повадкой Рита не напоминала дочь вышеупомянутого хищного зверя. Она была дочерью Евы, то есть самой женственностью. Ритка не признавала современной моды. Ее нельзя было назвать толстой, скажем так, фигура ее была несколько расположена к полноте, и Марго драпировала эту фигуру с таким тщанием и экзотичностью, словно собиралась позировать Рембрандту: шелк, бархат, юбки в пол, меха, зачастую дешевые, а также бусы, браслеты и немислимых размеров броши, на которые оглядывались прохожие. И не бижутерия, боже избави, все добротные произведения искусства. Просто Ритка любила перелищить: если уж янтарные бусы, то длиной не менее двух метров, если кораллы, то в двенадцать рядов. Яркая женщина, двумя словами. Ритку легко было любить, хоть и виделись они раз в три года, не чаще.

Когда Яна прибыла в Милан, подруга выполняла заказ некого журнала по интерьеру. Статья должна была иллюстрироваться фотографиями нескольких русских уголков ее квартиры. Предполагался также ужин в русских традициях.

Целый день Яна была предоставлена самой себе. Рита бегала как угорелая, мерила наряды, говорила по телефону, ставила цветы и двигала мебель. На кухне хлопотали две трудолюбивые итальянки. С них буквально пот катил градом, однако к вечеру выяснилось, что накулинарили они не так уж много: щи из крапивы, горку блинов, бефстроганов, картофель фри. Бублики, икру и красную рыбу принесли из магазина. Больше всего удивила Яну сервировка.

– Рита, с чего ты решила, что русские едят на черных льняных скатертях?

– Ах, оставь. Это красиво, это эффектно.

Металлические, яркие, как солнце, золотые тарелки были взяты напрокат, где-то хозяйка умудрилась достать ножи и вилки такого же желтого металла. И еще черные свечи, и темно-красные, почти черные розы в черной же вазе.

– Это не русский стол, это декадентский изыск, – насмешничала Яна. – А почему блины белые? Их надо было подрумянить до черноты!

– Что за узколобость! Ты рассуждаешь как провинциалка. А я не хочу, чтобы в Италии Россию считали провинцией. И вообще русские могут позволить себе все, что угодно. Такой здесь у вас имидж.

Долго обсуждали, кто же сядет за стол. Одна пара по каким-то причинам выбыла из игры, поэтому появление Яны было подарком судьбы. Рита сказала подруге, что она «великолепно вписывается», более русское лицо трудно вооб-

разить, но красоту нужно подчеркнуть шалью. Шаль – это по-русски. Яну задрапировали в большой, вышитый розами черный плат. Рита щелкнула пальцами – подойдет! Вечером пара мужеска пола к черному платку была найдена – вот и все, что помнила Яна о своем соседе справа.

Застольным кавалером хозяйки дома был русский тенор Алеша, который находился на стажировке в Ла Скала. Он совершенно не соответствовал своему романтическому образу. Алеша выглядел как бас, эдакая двухметровая оряси-на с румяным веснушчатым лицом. Тенор скучал, интересничал, говорил, что разрывается между Киевом и Миланом, при этом ясно давал понять, что в Киеве пребывает только его душа, а тело с квартирой и гонорарами замечательно существует в Италии. И вообще все ему было скучно, и грустно, и совершенно некому, господа, подать руку.

Третья пара мнимых русских была представлена итальянцами – подругой Люлю с мужем-капиталистом, который производил то ли мебель, то ли макароны, не суть важно. Сама Люлю была похожа на немолодую куклу Барби: платиновые волосы до плеч, распахнутые в вечном удивлении глаза, худые холеные ноги. Она была разговорчива, любила искусство и собирала бегемотов в виде мелкой пластики, игрушек, рисунков на чашках, тарелках и на бумаге. Люлю казалось это остроумным, а Яна втайне решила, что она просто тиражирует изображения мужа. При некоем допуске капиталист и правда смахивал на бегемота.

Вечер прошел преотлично. Фотограф быстро отщелкал интерьер, потом принялся за живых. Застолье не озвучивалось, поэтому за едой булькала в основном итальянская речь. Рита с удовольствием переводила подруге весь разговор. Выяснилось, что Яна помнит много подробностей этого вечера и только прилизанный сосед продолжает хранить инкогнито. А ведь у него было простое нашенское имя. Виктор или Валерий... Нет, пожалуй, Виктор. Что же он ей говорил целый вечер? Compliments, это понятно, и еще он утверждал, что путешествовать по туристической путевке гораздо комфортнее. Яна сопротивлялась и говорила, что жить в частном доме несоизмеримо лучше, чем в гостинице, а Прилизанный спрашивал... Что же он спрашивал? Ах, да... он интересовался, отметилась ли она у карабинеров, то есть в полиции, о своем пребывании в Милане.

— А ведь они могут и не разрешить проживать у вашей подруги... (Поддразнивал или кокетничал?) Вы сколько времени проторчали в итальянском посольстве, получая визу? То-то же! А за туристов все документы оформляет фирма.

Тенора Яна помнила отлично, потому что он водил ее к «Тайной вечере» Леонардо. Потом они гуляли по городу. Замок Сфорци... и удивительное огромное дерево в парке. Оно цвело синими колокольчиками, целые гроздья колокольчиков, как тысячекратно увеличенная сирень. Колокольчики пахли фиалками. А Прилизанный больше не появлялся в их доме. Да и разговоров о нем не было.

Ах, Италия, чудное было время! Миланский собор... они зовут его Дуомо. Там лес колонн, мерцающие витражи, свечи, воткнутые в песок на подносах. Гулкое, божественное эхо рокошет, мотается меж мраморных стволов, а потом устремляется вверх и исчезает в их акантовой кроне. А вокруг Дуомо – солнце, туристы, голуби.

Потом на Милан лился дождь в тысячу ручьев, Яна промокла, продрогла и заболела. Ритка лечила ее неведомыми итальянскими лекарствами. Они там странно лечатся. В Москве при простуде рекомендуется принять аспирин, попить горячего чаю с лимоном и лечь в постель. А в Милане считают, что при высокой температуре ни в коем случае нельзя пить горячее, а тем более – водку. Еще одна тема для Риткиной статьи.

Старинный университет в Милане... славное здание. А недалеко в проулке лавчонка антиквариата. Хозяин лавки – Риткин друг и венецианец. Видимо, именно здесь подруга покупала все свои цацки. Лохматую голову венецианца венчала тирольская шляпа, а торс до пояса, как у Брежнева орденами, был украшен самыми разнообразными значками. На память о Милане Яна купила серьги с прибалтийским янтарем и африканские бусы.

Поистине, итальянская жизнь Яны была полна парадоксов. В Риткином доме никогда не было еды, но в углу на кухне стояло два ящика отличного вина. Убираться в дом приходила молоденькая метиска из Латинской Америки. Она же

подавала утром Яне кофе с двумя печеньями. Объясняться с метиской было до чрезвычайности сложно. Почему-то нигде в их районе не продавали ни хлеба, ни сыра, ни ветчины. Завтракать Яна ходила в пиццерию.

Тогда ее пребывание в Милане не предвещало никакой беды, а она могла быть, потому что Ашот был связан деловыми отношениями именно с Миланом. Какие это были отношения – она не знала, но подозревала, что вслух об этом лучше не говорить. Дважды Яна звонила каким-то людям и на чистом русском языке говорила непонятный текст, похожий на пароль или шифр. Что она тогда думала и понимала? Да ничего.

Она точно помнит, почему во время русского вечера как-то сам собой возник разговор про Ашота. Кто его начал? Нет, не вспомнить. Во всяком случае, не она сама.

* * *

Она позвонила Ритке в час ночи, для Милана это вполне разумное время. По счастью, подруга была дома. Она долго не могла врубиться в разговор: кто сидел, за каким столом? Потом по ниточке стали вытаскивать из прошлого подробности. Скоро это Рите надоело:

– Тебе что – деньги не жалко? О какой ерунде мы говорим!

Однако много вспомнилось. Да, действительно, это был

русский, имя – Виктор, фамилию вспоминать бесполезно, потому что Рита ее никогда не знала. Его привел с собой тенор, а может быть, Люлю. Виктор занимается гостиничным бизнесом, во всяком случае, он так представился.

– Мне надо знать об этом человеке все. Ты мне поможешь?

– Все – я не знаю даже о себе самой, – отрезала Рита. – Объясни мне вначале – зачем он тебе?

– Во-первых, узнай – жив ли он. Понимаешь, мне в руки совершенно случайно попали чужие документы. И там наша фотография. Да, да, русский вечер. Я хочу узнать, случайно я туда попала или преднамеренно.

– На эту фотографию?

– Нет, в конверт! Там были еще фотографии и компьютерный диск. А на одном снимке – труп.

– Какие ужасы ты говоришь мне на ночь.

– Ритуль, узнай. Мне это жизненно важно.

– Легко сказать. Алеша (речь шла о теноре) поет в Вене, и у меня нет его телефона. Люлю не может вспомнить, что она делала вчера, а не только год назад. А как к тебе попали эти документы?

– Глупейшая история. Мама ездила в Италию. В аэропорту в Риме ее попросили передать в Москве конверт некому Игорю, а тот не явился в Домодедово.

– Елизавета Петровна была в Риме? В Милане тоже? Почему ко мне не зашла? Когда она прилетела?

– Домой она вернулась одиннадцатого, в пятницу. А когда

в Милане была – не знаю.

– Ага, поняла. А кто послал секретные документы?

– Понятия не имею. Какой-то мужчина.

– А почему через Елизавету Петровну?

– Видимо, приперло его, он и бросился к первому встречному.

– И правда глупая история. Ладно, я поищу тебе этого Виктора. Позвони мне через пару дней. Если узнаю что-нибудь путное, то сама позвоню. А кого там убили-то?

– Сообщение недоступно. Введите пароль.

Яна стукнула по компьютеру кулаком. Конечно, она ожидала подобной гадости от загадочного диска. Наивно было надеяться, что отправитель не закроет доступ к информации, которую посылает через чужие руки.

Вероника права. Этот конверт надо было выкинуть еще в Домодедово. Ах, это материнское любопытство! Нашла фотографию доченьки и безумно испугалась, что ее жизни, спокойствию и благосостоянию может прийти конец. Может... да только при чем здесь белый конверт?

Уже почти год, как Ашот покоится на армянском кладбище, а полновесный покой и безоблачная уверенность в завтрашнем дне к ней пока не вернулись. Автомобильная авария случилась через полмесяца после ее возвращения из Милана. Все твердили, что это убийство, журналисты с ума посходили (впрочем, они всегда пребывают в этом состоянии), но никакого расследования или тем более суда – не было. Жил человек – не стало человека. Мало ли их, банкиров и коммерсантов, в эти пиратские времена погибло от пули киллера, от пыток в загородных трущобах, на заброшенных складах и на подложенных в подбрюшье машины минах? Яна была на похоронах. Вдова чуть шею не свернула, пялясь на соперницу. Ей бы, горемыке худосочной, плакать да руки ло-

мать, что лишилась кормильца, а она выжигала всех и вся сухими от ненависти глазами, и большая часть душевного напалма досталась именно Яне. Ладно, мертвым земля пухом, а живым здравие. Не надо к думательному процессу присоединять чувства, а то мы так и не сдвинемся с мертвой точки.

Можно предположить, Яна и раньше так думала, что смерть Ашота напрямую связана с информацией, которую она привезла из Италии. Но доказательств тому нет. На кладбище все твердили о невосполнимости потери, и действительно, громкая фирма «Ви́ра» развалилась, но очень скоро возродилась из пепла под другим названием.

Теперь она называется «Феникс» (ну не ирония ли судьбы!), и руководит ею Генка Рейтер, бывший заместитель Ашота и его правая рука. Вообще-то в «Фениксе» три компаньона, но это формально, главный там все равно Рейтер. Он потом Яну охаживал, была даже одна неприятная сцена, когда он на колени перед ней вставал, на свои глупые толстые коленки! Яна негодовала. Или этот боров считает, что она ему досталась по наследству? Потом поразмыслила на досуге. Может, вовсе не любовных ласк добивался от нее коммерсант, а совсем другого? Впрочем, любовные ласки своим чередом. Главное, он хотел приручить Яну, а ручные люди открыты и болтливы.

Не только Генку, но и еще кой-кого из «Феникса» Яна знает, но никак не напоминает им о себе. Лучше вообще с ними не видеться. Встреча с бывшими компаньонами Ашота

не только неприятна, но и опасна, потому что Яна знает о делах фирмы «Вира» гораздо больше, чем следовало знать любовнице шефа. Если начнут спрашивать за Ашотовы грехи, то начнут не с вдовы, а с нее.

Ашот был умный и по-своему добрый человек. В молодости – инженер, потом комсомольский функционер, потом бизнесмен. Яна с уверенностью может сказать, что ее он любил и к Соньке относился замечательно. Любила ли его Яна – такой вопрос на повестке дня не стоял. Да, он был ее старше на двадцать лет. Он хотел развестись с женой и чтоб все было по-человечески. Хотел обеспечить и жену, и сыновей, а уж потом припечатать свежий штамп в паспорте и начать новую жизнь. Игра в будущее неомраченное счастье и развязала ему язык. Он поделился с Яной своими страхами, мечтами и тайнами.

Она уверена, почти уверена, что Ашот не был связан с криминалом. Он начал заниматься предпринимательством в самое горячее время – в эпоху кооперации. Первые деньги были заработаны честно. Ему удалось вовремя вернуть огромный кредит, поэтому он не попал под расстрел, как многие отчаянные и наивные головы в то время. Тогда невозвращенный кредит оценивался как государственное хищение в особо крупном размере, а это, как известно, «вышка». Но при перерегистрации кооператива в общество с ограниченной ответственностью, всем известное ООО, многим людям пришлось давать огромные взятки. Кому-то недодал, и

появились враги. Тогда-то и начались первые отстрелы коммерсантов.

Не будем описывать подробно, чем именно занималась его фирма. Сейчас все кричат: «Разворовали страну!» С точки зрения современного закона каждого олигарха можно призвать к ответу и судить. Все растаскивали народную ответственность, и Ашот растаскивал. Тогда правил закон «Делай все, что не запрещено». В своде законов всего не напишешь, в жадности и озлоблении человека должны останавливать библейские нравственные принципы. А на заре ельцинской эпохи нравственные принципы отбрасывались за полной ненужностью.

Все это для Яны не было тайной. Но она, к сожалению, знала фамилию человека, на чей счет перевели деньги, большие деньги, из-за которых Ашота и убили. Ашот говорил, что он их «спрятал» – до времени. Легко догадаться, что теперь эти деньги ищут и хотят вернуть назад. Но Яна не знала, кто является истинным хозяином этих миллионов. Никто из фирмы не задавал ей вопросов, ее оставили в покое, но Яну не оставляло чувство, что «они» – неведомая злая сила – догадываются, что она знает.

Яна боялась, что когда-нибудь явится человек (сам Рейтер не придет, он трус!) и призовет ее к ответу, мол, раскрой, девочка, карты, покажи козыри... Это вечное ожидание приучило ее к тому, что она боялась любой нестандартной ситуации, которая появлялась в ее жизни.

Но все эти домыслы не были построены на песке. Был разговор... о котором она забыла, приказала себе забыть. Тогда уже фирма «Феникс» распустила свои окрепшие фениксовые крылья, и Генка Рейтер оставил Яну в покое.

Был вечерний звонок. Когда? В июле, точно – в июле. Мама тогда уехала с Сонькой в Крым, удалось достать приличную путевку. Какой-то украинский банк устроил для своих на кусочке Ялты райскую жизнь. Они отдыхали в Ялте, и она в Москве вела беспечную жизнь.

– Добрый вечер, Яна Павловна, – сказал сочный мужской голос, и тут же, переходя к сути дела, добавил уже совсем другой интонацией: – Девочка, мы тебя не тронем. Но это только до тех пор, пока ты будешь держать язык за зубами.

– А где же мне его еще держать? – храбро ответила Яна. – И представьте, пожалуйста.

– Какая вам разница, – усмехнулся мужчина, возвращаясь к церемонному обхождению. – Положим, Иван Иванович.

«Вы из фирмы “Феникс”?» – хотела спросить Яна, но вовремя одумалась. Здесь они диктуют правила игры.

– И не надо играть со мной в кошки-мышки, – продолжал мужчина. – Вы просто забудьте, что знаете. Вы поняли?

– Поняла, – сказала Яна отсутствующим тоном.

– Вот и славно, – голос еще подышал в трубку, словно раздумывая, пугать дальше или остановиться на сказанном, потом тихо, как вздох, прошелестело: – Все, – и трубка умерла.

Яну бил озноб. Она растерла руки, потом надела шерстя-

ные носки – ноги были ледяными. Но и это не помогло. Пришлось залезть в ванну. Над горячей водой валил пар, а у нее по телу все еще бежали мурашки, и только когда лицо стало красным, как вареная свекла, она смогла заставить себя обдумать ситуацию.

Сигарета не хотела прикуриваться в мокрых пальцах, колесико зажигалки прокручивалось впустую. Наконец удалось сделать первую затяжку. Кто эти люди?

Если бы Яна могла видеть сквозь стены, взору ее явился бы респектабельный кабинет и в нем двое мужчин. Один, чернявый, вполне умещался в определение «лицо кавказской национальности», скорее всего армянин, другой – наш, рыжий-конопатый.

Рыжий сказал:

– Мы затеяли слишком большую игру.

– Это не наша игра. Мы только продолжаем.

– Я хочу сказать, что нам гласность ни к чему.

– Ее мы трогать не будем, – твердо заявил чернявый.

Рыжий поморщился.

– Но почему бы ей не сменить место жительства? Ей с дочерью очень хорошо было бы в Дании или в Норвегии...

– Или на Ваганьково, – буркнул чернявый. – Нет. Я Ашоту обещал. Но другое дело, ее нельзя выпускать из поля зрения. Женские мозги непредсказуемы.

– Ну, это-то без проблем. Пусть живет как может. Понаблюдаем. Главное, чтоб не суежилась.

Ничего об этом разговоре Яна не знала, но, лежа в ванне, и без подсказок разобралась. Нет, это звонили не рейтеровские прихвостни. Это другие. Хорошенькая ситуация! Одним надо, чтоб она молчала, а другим – чтобы именно говорила. Первые лучше. Разговаривать можно заставляя пыткой, а молчать пыткой не заставишь, здесь все на доверии. Но и тех и других она боится... панически!

Уймись, милая! Посмотрим на дело со стороны. Ведь это типичное респондентное поведение. Она ведет себя как собака Павлова, у которой подача пищи и звон колокольчика соединились в один манок. Достаточно звякнуть металлическим язычком, и у бедной собачки начиналось слюноотделение, хоть никакой пищей и не пахло. И здесь – глупая случайность, какой-то конверт, и у нее уже... Ах, кабы слюноотделение. Нет, у нее другое – выброс в кровь адреналина из надпочечников, а как следствие – повышение сахара в крови. У нее при мыслях об этом диске и фотографиях щитовидная железа выбрасывает гормоны. Это психическое состояние называется стрессом. Надо взять себя в руки. А также прочитав этот диск хотя бы затем, чтобы удостовериться, что он не имеет к Яне и Ашоту никакого отношения.

Хакеры считают, что нет такого пароля, который нельзя взломать. Это только вопрос времени и умения. Времени у нее достаточно, а вот умения... Кому доверить диск? Это должен быть человек с талантом и умением держать язык за зубами. Кроме того, необходимо, чтобы этот гений не был

сволочью. Мало ли что он там прочитает?

Может быть, мать поспросить? У нее в академическом городке наверняка есть компьютерные зубы. С физиками можно договориться, они не жлобы. Нужно обстряпать дело так, чтобы человек получил доступ к информации, а после этого сразу вернул ей диск. Ну а если все-таки прочитает, он должен забыть, что содержится на этом диске. Но остались ли на свете такие особи? Уважение к чужой тайне и отсутствие желания заработать на чем угодно сейчас столь же редки, как ангельское милосердие и размах крыльев в два метра.

В конце концов Яна решила мать к этому делу не подпускать. Мать переполошится, вообразит себе невесть что, перестанет спать, у нее поднимется давление. Матушке надо внушить, что вся история с конвертом не стоит выеденного яйца.

Яна направилась к своим программистам, а именно к смешному и умному компьютерщику Боре. Борис был сутул, носат, очкаст, вечно кому-то должен – этому доллар, другому два – словом, совершенно не ее кадр. Никаких профессиональных дел Яна с ним не имела. Просто они часто встречались в курилке и с удовольствием обсуждали последние политические или театральные сплетни, а также незлобиво ругали начальство. Яна не собиралась отдавать Борису диск. Она хотела просто получить толковый совет, то есть узнать, насколько сложно будет найти ключ к зашифрованной информации. Борис выслушал ее с полным вниманием, потом

рассмеялся.

– Найти ключ – это значит взломать. Хакерством решили подрабатывать? Не советую. Затягивает хуже наркотиков.

– Это почему?

– Потому что напоминает решение кроссворда за хорошие деньги.

– Хороших денег у меня нет, – быстро сказала Яна и уточнила, – а если бы и появились, я знала бы, куда их потратить.

Борис понимающе кивнул головой.

– Ищите энтузиаста через интернет. У хороших хакеров есть собственные сайты.

– Но ведь это подсудно! Как они не боятся!

– Да кто его там в виртуальном пространстве словит. Если хотите, могу вместе с вами побродить по пыльным интернетовским тропинкам. Цена умеренная – один поцелуй.

Яна не отозвалась на шутку.

– Мне нужен надежный, честный человек. На диске не моя информация. Я не могу подвести людей. Может, вы сами поработаете с диском?

– Нет, мой хороший. Ломать чужие алгоритмы – работа муторная. И главное – сжирает массу времени.

– Может, вы посоветуете кого-нибудь из умненьких мальчиков?

Яна, обычно такая яркая, модная, слегка надменная, а попросту говоря – неприступная, признанная всей фирмой женщина-вамп, выглядела на этот раз столь растерянной, что

Борис сбился с шутливого тона, глянул на нее участливо, а потом рассеянно почесал в затылке.

– Может, вас к Кириллу послать? Это мой сводный брат. Вообще-то он работает верстальщиком в рекламе, но в последнее время в компьютерных делах сильно поднаторел.

– А ему можно доверять?

– Вы же пришли ко мне. А он как я. Только разговаривайте с ним осторожно. Он мальчишка обидчивый и скрытный. Записывайте телефон.

– Борис, с меня два поцелуя, – улыбнулась Яна. – Нет – три, – и быстро пошла прочь.

– А предоплата? – закричал он ей вслед.

Этом же вечером Яна навестила Кирилла. Сводный брат Бориса был неправдоподобно юн и голенаст: ноги, ноги, ноги, а потом сразу курчавая голова на угловатых плечах. Главное, не забыть и не спросить, кончил ли он школу. Взгляд у отрока был подозрительный, руки нервные. Видно было, что он в любой момент готов вспылить из-за пустяка.

– У меня для вас заказ, – сказала Яна, стараясь изгнать из интонации заискивающие нотки.

– Заказы я принимаю на работе, – нахохлился Кирилл. – Вам модуль нужно сделать?

– Какой модуль?

– Рекламный модуль. Что там у вас? Брачное объявление или недвижимость?

– Мне нужно получить зашифрованную информацию.

Вот, — она протянула диск. — Меня послал Борис и сказал, что вы сможете это взломать.

Отрок смягчился.

— Так и надо было говорить, что от Бориса. Ко мне с заказами сотни людей ходят.

Он подошел к включенному компьютеру, вставил диск, пощелкал клавишами. На экран монитора высыпалась груда непонятных символов, казалось, что они шевелятся, как муравьи в куче хвои.

— Я заплачу, — подала голос Яна.

— Ладно, оставьте, — сказал он наконец. — О плате договоримся потом. Пока я не знаю, сколько это будет стоить.

— Еще я должна предупредить вас о полной секретности расшифрованного материала.

— Могли бы и не предупреждать. Это и так понятно.

«За кого он меня принимает? — подумала Яна, внутренне усмехаясь. — Я для этого отрока Сонька Золотая Ручка современного образца».

— Когда мне вам позвонить? Сколько на эту работу может уйти времени?

— Дорогая Яна Павловна. На эту работу может уйти пятьдесят лет. Если Борис мне поможет, дело пойдет быстрее. Если я пойму, что эта работа мне не по силам, я вам позволю, скажем, через полмесяца. А если я пойму, что могу справиться с задачей, то я позвоню вам через десять дней. Устраивает вас такая постановка вопроса?

– Она меня устраивает.

На этом они и расстались.

В среду, как и было договорено, Яна позвонила в Милан. Рита повела разговор сразу на повышенных тонах. Видимо, ее очень интересовала затронутая тема. Исчезла куда-то ее обычная томность, никакого наигранного остроумия – только суть дела и необузданное любопытство.

– Откуда ты знала, что Виктора убили? – был первый Ритин вопрос.

– Ничего я не знала. Просто кто-то сфотографировал труп. И этот труп был очень похож на этого самого Виктора.

– А координаты Игоря ты не знаешь? – кричала трубка.

– Какого Игоря?

– Ну, которому был предназначен этот конверт.

– Не знаю. И вообще, Рит, это очень деликатное дело. Я уже жалею, что подключила тебя ко всей этой истории. Здесь надо уметь держать язык за зубами.

– А каким, по-твоему, местом я наводила справки? Разумеется, языком. Здесь была очень шумная история. Фамилия Виктора – Вершков, представляешь, как итальянцы проносят его фамилию? Живот от смеха надорвешь! Виктора убили на улице среди бела дня.

– Когда это было?

– Сейчас соображу. Четвертого мая, вот когда. Убийц было трое. Один скрылся, другого задержали, третьего убили в перестрелке.

– А что это за люди?

– А я откуда знаю? Всех расспрашивала, журналистов в том числе, и пока безрезультатно.

– Кто он вообще, этот Виктор?

– Вообрази, он просто гид. Он работал при туристическом агентстве, которое связано с Москвой. Подожди, у меня тут записано русское название. Вот... «Зюйд-вест». Он возил русские группы по Италии. Его треп про гостиничный бизнес – чистая липа. Мои агенты говорят, а им можно верить, что у Вершкова оч-чень приличные деньги лежат в швейцарском банке.

– У тебя нет московского адреса этого «Зюйд-веста»?

– Ну не в Милане же этот адрес искать! Если надо, ты по справочнику узнаешь. Поинтересуйся, между прочим. Может, у этого Виктора в Москве есть знакомые или родственники. Хотя вряд ли. Он в Милане уже двадцать лет, не женат. Наверное, голубой.

– Может быть, его из-за этого убили?

– Хороший вопрос. Это все равно что спросить: а не убили ли его потому, что его мать была одиночка. Не говори глупостей. В Италии это обычное дело. Расскажи-ка мне еще раз про этот белый конверт. Там ведь еще диск был? Может быть, это поможет нам разобраться?

– Не поможет! – закричала Яна в панике. – И почему – нам? Ты-то здесь при чем? Разбираться буду я сама. Вернее, вообще не буду разбираться. И забудь о том, что я тебе го-

ворила.

– Хорошо, забуду, – обиделась Рита. – Но дальше-то мне что делать? Узнавать подробности или нет? Об этом убийстве у нас писали в прессе. У меня всюду есть свои люди. Так узнавать или нет?

– Узнавай, – сказала Яна после небольшой заминки. – Узнавай, но не трепи лишнего.

– Говори, но молча. Слушай, но заткни уши. Поняла. Через неделю позвоню.

«Успокойся, – приказала себе Яна, повесив трубку. – Ты никуда не влипла, не увязла... Итальянский гид не имеет никакого отношения к твоим проблемам». В какой-то момент она даже решила позвонить юному гению Кириллу и отказаться от его услуг, зачем зря выбрасывать деньги. Но потом подумала, что с этим надо повременить. Мало ли какую информацию раздобудет в Милане Рита.

В конце концов – это просто игра случая. Вопрос только в том, куда она заведет, эта игра.

Был чудный майский вечер. Небо казалось полосатым из-за легких перистых облачков. Солнце высветлило белые фасады башен за стадионом, закатным пламенем горели окна. Воздух был прозрачен и холоден. Но не эта вечерняя прохлада говорила о том, что лето еще не наступило, а необычайная яркость зелени. Подростая трава на газоне красиво шевелилась под ветром, на проплешинах белели шары одуванчиков, у белого столба с понуро опущенным колпаком освещения – лампочка в нем никогда не горела – могуче раскинулся неизвестно откуда взявшийся здесь борщевик.

Телефон зазвонил в тот момент, когда Елизавета Петровна, наблюдая с балкона за хищными листьями, размышляла, сможет ли она уничтожить корни ядовитого гиганта садовым совком. Летом борщевик вымахает в два метра и будет жалить детей, а на следующее лето рассеется по всему газону. Нет, здесь и лопата не подойдет, не то что совок. Топор нужен.

– Мама, где ты была? Почему не подходила?

Уже по первым словам дочери Елизавета Петровна поняла, что настроена Яна непривычно доброжелательно. Рассказ про борщевик не вызвал законного раздражения. Дальше – больше. Дочь терпеливо выслушала ее жалобы на артрит, который, зараза, дает себя знать даже в хорошую погоду, и по-

интересовалась делами в библиотеке. Там уже давно сидели на чемоданах, ждали ремонта. И только в конце разговора, когда обе дружно обругали школу, Яна спросила невинным тоном:

– Мам, кстати... Ты эти фотографии не выбросила? Ну, ты знаешь, о чем я говорю.

Ах, вот оно что. Весь этот ласковый треп и показная кротость были сыграны только для того, чтобы придать вопросу о фотографиях невинный характер.

– Что, что-нибудь случилось?

Только тут в голосе дочери вспыхнули искры раздражения.

– Ничего не случилось. И не может случиться. Зачем ты их увезла? Я не хочу, чтобы ты их рассматривала и строила фантастические предположения.

Елена Петровна и сама толком не знала, зачем привезла злополучные фотографии домой. Интуитивно, наверное, она хотела отвести беду от Янкиного дома. Содержимое белого конверта являло собой облаченное в кокон зло, как пузырек с ядом, как расфасованные наркотики, как пистолет в промасленной тряпке.

– Я завтра к тебе приеду.

– Только не завтра, – быстро сказала Елизавета Петровна. – Завтра в библиотеке свободный день. Я договорилась с Вероникой, что к ней приеду.

– Но мне надо...

– С Соколиной Горы я приеду к вам, – перебила она дочь, – и привезу фотографии. Могу остаться ночевать, а Барсика покормит соседка.

Решение поехать на Соколиную Гору было совершенно спонтанным. Ни о чем она с Вероникой не договаривалась. Но, вслушиваясь в несколько сбитое дыхание дочери – мать не обманешь показным спокойствием, – Елизавета Петровна поняла, что пришла ее пора подключаться к игре. Последнее заявление Яны просто пугало. Дочь ничего не делала просто так, и уж если она посередине недели без видимой причины решила навестить мать, значит, кокон зашевелился, зло расправляет крылья. Удивительно, что она раньше не попыталась отмотать события назад и подробно, взяв Веронику за пуговицу, расспросить ее обо всем... А не будет внятно отвечать, значит, вытрясти из нее все подробности про литовца или эстонца, а может, немца или итальянца. Того самого, который вручил ей в аэропорту белый конверт. Надо знать Веронику, наверняка она что-нибудь недоговаривает. И не исключено, что вдруг найдется подлинный телефон адресата – неведомого Игоря.

Пора открыть Вероникину тайну, хоть и трудно такое говорить про родного человека. Ну так вот... На старости лет моя любимая тетка стала клептоманкой. Все знают, что это психическое заболевание, не более того, но почему-то относятся к клептоманам с особой брезгливостью. Я понимаю

еще на Западе, где частная собственность священна. Но дома-то что в ужасе закатывать глаза?! В каждом советском человеке сидит kleptomан. Несуны – это кто такие? Те самые... которые под одеждой выносят товары народного потребления и загоняют их на стороне. Я и мои подруги тоже подворовывали. Копирку, бумагу, карандаши унести с работы – самое милое дело. Считалось, что у государства, которое нас грабит, подворовывать не грешно. А назови несунув kleptomанами – обидятся. Они не воры, а борцы за правильное распределение народных благ.

В начале поездки я отнеслась к поведению Вероники относительно спокойно. В гостиницах по утрам шведский стол, все знают, что это такое. В кафе ешь от пуза, но ничего на вынос. В первый же день Вероника нарушила эту капиталистическую заповедь. У нее была большая черная сумка на молнии. Сумка ставилась на колени, распахивала свой зев, и туда летели пирожки, бутерброды, в заранее подготовленные пакеты нырял гарнир и нарезанные овощи, сладкое клалось отдельно.

Я смотрела на это в глубоком изумлении. Одергивать Веронику я не посмела, боясь привлечь к себе внимание, но, оставшись вдвоем, конечно, попеняла ей, мол, это дома может сойти с рук, а здесь, в неметчине, нас не поймут. Вероника только хохотнула в ответ.

– Считай, что это форма терроризма... борьба за свободный рынок. Они тут с жиру бесятся, а мы лиры считаем.

Потом произошел случай, который открыл мне глаза на истинное положение вещей. Днем в жуткую жару мы забрели в парк. Вероника решила меня угостить чем-то в высоком бокале, эдакой кондитерской красотой с розово-желтым навершием из крема. Наверное, это было мороженое, хотя утверждать не возьмусь. Я села за столик, а Вероника пошла покупать угощение. Уличное кафе было отгорожено стойкой с узким парпетом. Вероника двигалась с подносом между витриной с вкусностями и стойкой по направлению к кассе. Народу было немного. Вдруг вижу, моя тетка берет бокал и спокойно ставит его на стойку. Потом берет другой бокал с мороженым, ставит его на поднос и подходит к кассиру. Оплатив, она возвращается за другим неоплаченным бокалом, спокойно ставит его на поднос и идет к столу.

Единственное, что я посмела сделать, – отказалась от мороженого, сославшись на насморк. Вероника умяла обе порции, а я сидела рядом, слушая, как она мурлычет от удовольствия, и безумно боялась, что во мне увидят сообщницу. Но бросить тетку я не могла. Нас предупреждали, что за подобные игры могут не просто устроить скандал, а отвести в полицейский участок, более того, выслать из страны. Потом-то я узнала, что призрак позора и скандала был Веронике особенно сладостен. Она играла с опасностью. Кайф начинается тогда, когда ты крадешь, не оглядываясь по сторонам, но всей своей старой кожей ощущаешь – ты на грани... Это так остро, волнительно! Во время воровских приступов лицо ее

окрашивало особое выражение – отрешенное, задумчивое, уголок слегка подкрашенного рта лез вверх. Видно было, что она прямо-таки купается в адреналине, а я обмирала от ужаса.

Теперь представьте наши походы по магазинчикам, набитым сувенирами, картами, открытками, путеводителями и кучей каких-то никчемных мелочей. Мне нужно было купить подарки Сонечке, Яне, подругам. В этих лавчонках обычно один хозяин, он же продавец. Я объясняю хозяину, что я хочу, мне показывают майки, цепочки, венецианские маски... а Вероника исчезает в недрах магазина. Расставленные на полках милые пустяки совершенно доступны. Хозяину и в голову не приходит, что среди его владений бродит kleptomанка. «Вероника, я пошла... Где ты?» – зову я тетку, как маленькую девочку, а она упирается, не хочет покидать такие доступные и соблазнительные богатства.

Обширный чемодан на колесиках пополнялся сувенирами. Один раз Веронику таки поймали. Я вышла на улицу раньше, чтобы покурить. Через три минуты в дверях лавчонки появилась моя драгоценная тетка, она отбивалась от продавщицы, совала той в руки деньги, что-то пыталась объяснить – по-русски, разумеется. Естественно, я вмешалась. По счастью, продавщица понимала язык Альбиона. «Ах, сударыня, дама перепутала... Дама думала, что другая дама за нее уже заплатила. Пятнадцать тысяч лир... Вероника, верни этот бокал. Ах, кубок? Тем более кубок нам совсем не

нужен!»

– Нет уж, вы берите, если вынесли вещь из магазина! И оплатите полностью.

Бесстыдница Вероника потом совершенно искренне возмущалась:

– Да разве я взяла бы эту подделку, если бы знала, что она так дорого стоит!

С первых же дней нашего тесного общения я выбрала линию поведения, надеюсь, что правильную. Перевоспитывать, возмущаться, увещевать, ставить заслоны – бесполезно, мы просто разругаемся и испортим друг другу поездку. Я решила просто не замечать тетнины kleптоманские игры. Это болезнь, патология сознания, грубая ухмылка старости. В молодости у Вероники не было ничего похожего. И крадет она, надеюсь, только у чужих. Во всяком случае, у меня за время нашего путешествия она ничего не украла. Хотя до сих пор не знаю, где посеяла янтарные запонки – подарок Паши. Может, мои запонки тоже перекочевали в чемодан на колесах?

Теперь вам понятно, откуда у меня возникли основания усомниться в теткинском рассказе относительно конверта. Вполне вероятно, что в аэропорту она что-то сперла, какую-нибудь емкость, а в емкости обнаружила не блестящие погремушки, не открытки и бусы, а белый конверт. Тетка порядочный человек, она не станет выбрасывать чужие письма. Она решит всенепременно доставить их адресату.

Все это только домыслы. Даже если я в чем-то права, будет очень трудно расколоть Веронику. Я почти уверена, что, обуи ее в испанский сапог и прижигай руку огнем, она и тогда будет твердить, что не украла, а взяла по ошибке. С этими радужными мыслями я отбыла утром на Соколиную Гору.

На своем Г-образном участке Вероника устроила маленький рай. Попадая сюда, я всегда удивлялась, насколько узки ее сотки. Как говорится, шаг в сторону – расстрел. Но ступать было некуда. Вероника не стала тратиться на ограждение своей земли. По длинным сторонам участка стояли плотно сбитые чужие заборы, перед домом Желтковой соорудили подобие калитки, дальний торец замыкал огромный куст боярышника. Колючее это растение вполне отвечало заградительной функции. А за плотными заборами высились богатства, несправедливо нажитые, а также алчность, праздность и похоть. Во всяком случае, Вероника именно так характеризовала своих соседей. Она говорила:

– Бывшие писатели и деятели культуры живут в другой стороне, а это все новые русские. Но знаешь, Лизонька, Господь милостив. Если он не дает тебе богатства, то взамен посылает полное равнодушие к роскошеству и власти.

Вероника в фартуке, панаме и больших резиновых перчатках полола пока еще робкие сорняки. Она никак не ожидала моего приезда, но явно обрадовалась.

– Походи, понюхай цветочки, потом будем кофе пить. Желтков! – крикнула она что есть силы. – Поставь чайник! Лизонька приехала!

В доме раздалось невнятное тарыхтение. Сад цвел. Если я

начну перечислять названия растений, которыми Вероника утыкала свой участок, то не хватит и двух страниц. Кроме того, я не знаю большинства названий. Помимо деревьев, кустов ягодных и декоративных, грядок с овощами и травами, типа петрушки «Кучерявой», щавеля «Бельвийского», ревеня «Виктория», а также эстрагона, базилика, душицы, кинзы и укропа, я уже не говорю об узком парнике с помидорами всех сортов, каждый клочок земли был засажен цветами. Уже поблекли нарциссы и тюльпаны, зато выдали стрелки роскошные алеумы (лук с сиреневыми шарами – знаете?), слепили глаза незабудки и анютины глазки. Еще обильно цвела лунария, чтобы к осени организовать декоративный плод – колечко с перламутровой пленкой. Ну и, конечно, камнеломки, оранжевый гравилат и ирисы.

Я любовалась, Вероника орудовала совком.

– А где Муся?

– Гуляет, девочке надо размяться.

– Пойду поздороваюсь с Желтковым.

Мне было стыдно после такого-то сада тайно всматриваться в теткин быт и подозревать ее черт знает в чем. Но я всматривалась и подозревала. Желтков на кухне чинил утюг. Он поздоровался со мной очень приветливо, но головы не поднял и рук от инструмента не оторвал. Я пошла в комнаты. Бревенчатые стены, акварели, книжные шкафы, в разношенном кресле серый томик Тютчева, очевидно, тетка коротала вечера с любимым поэтом. Итальянским сувенирам уже

нашлось место. На стене висела яркая венецианская маска, гипсовая Пизанская башню на этажерке притулилась к путеводителям по Риму и Флоренции. На старом, красного дерева бюро, доставшемся от бабки, я увидела уже знакомые песочные часы и поняла, что на правильном пути. В аэропорту Вероника времени зря не теряла. Моей задачей было узнать, что она делала все это время. Выяснить, купила ли она пресловутые песочные часы или сперла их под носом бдительной продавщицы, в мою задачу не входило.

Кофе пили под яблоней на шаткой столешнице, установленной на вбитом в землю обручке бревна. Шмели гудели, к ногам подступал василек горный. Кофе был горячим, не растворимым, но сваренным, молоко в серебряном молочнике, мягкие калачи, прямо тебе дворянский быт.

К столу нерешительно, бочком приблизилась Муся. Вид у нее был виноватый, хвост подхалимски опущен.

– Муся, девочка, где тебя носило? – Вероника склонилась к собаке и принялась осторожно вытаскивать из шерсти прошлогодние репы. Собака тихо поскуливала, но терпела.

– Обрюхатит кто-нибудь твою девочку на старости, – проворчал Желтков.

– Ну должна же она побегать, порезвиться...

– Ей впору о Боге думать, а не резвиться. А потом удивляешься, откуда на участке лопухи, – продолжал муж. – Она сюда семена всех сорняков и таскает.

– С собаками надо гулять в лесу, – заступилась я за Му-

сю. – У вас здесь такие замечательные леса.

Меня не поняли. Вероника давно не ходит ни в какие леса и Желткову запрещает, потому что там обитают больные бешенством енотовидные собаки и лисы. Даже грызуны, безобидные полевые мыши заражены водобоязнью, а в еловых отороченных бахромой молодых побегов лапах обитают энцефалитные клещи и прочая дрянь. И все это живое и хищное кусает, жалит, впивается. Нет, увольте нас от дикой природы!

– А мне этот быт вот где, – сказал вдруг Желтков и ударил себя по загорелой, жилистой шее. – Что мы сидим на этом клочке земли? Что мы здесь потеряли? Свеклу мы здесь, вишь, выращиваем. Да кому они нужны, наша свекла и морковь?

– Желтков – враг глобализации, – миролюбиво пояснила Вероника. – Он считает наше положение бедственным, потому что мы не можем конкурировать со всем миром.

– Да в Америке даже урожайность клюквы выше нашей! – продолжал бушевать Желтков, очевидно, продолжая старую тему. – Они и там устроили искусственное болото и растят наш национальный продукт за милую душу!

– Плевала я на их клюкву, она безвкусная. И клубника на гидропонике пахнет водой из-под крана. Я в Италии пробовала. И вообще красота – вне конкуренции. А что я капусту и свеклу выращиваю, так не ездить же за ней на рынок!

Желтков рывком поднялся с места и ушел в дом.

– Уже третий день утюг чинит, и все никак, – пояснила Вероника. – Вот он и злится. Я говорю, давай новый купим. Правда, утюги сейчас – инструмент для новых русских. Дороже пистолетов. Но Желтков совершенно не может выбрасывать старые вещи. Он на них просто помешан. Конструктор он был неплохой, но если бы судьба угадала его сделать старьевщиком, тогда бы он был истинно счастлив. Хочешь еще кофе? Желтков, принеси горячий чайник!

Пора было переходить к главному. Я уже открыла рот, сочиняя первую фразу, но Вероника сама мне помогла, направила в нужное русло.

– Лизонька, как я благодарна тебе за Италию. Все время думаю о нашей поездке. Помнишь Рим?

– В основном аэропорт, – сказала я строго. – Вероника, я хотела с тобой кое-что обсудить. Расскажи мне во всех подробностях, как тебе там передали белый конверт. Что это был за мужчина, как он выглядел?

– Неведомый племянник Игорь так и не объявился?

– Как он мог объявиться, если ты дала мне телефон прачечной?

Вероника рассмеялась.

– Этого не может быть. Ну, давай расскажу еще раз. Я пила кофе. Он подошел ко мне...

– Этот эстонец...

– Почему эстонец?

– Ты же сама говорила, что у него акцент как у прибалта.

– Ничего такого я не говорила. У него действительно был акцент. Обычно так говорят люди, выросшие в русских семьях за границей. Я обратила внимание, потому что давно озадачена этим вопросом. Говорят, что эмиграция сохранила нам язык. Так у кого сейчас подлинный русский язык – у нас или у них? Эмигранты имеют совершенно другую языковую мелодию.

Мне бы ваши заботы, сударыня. Каким раскрепощенным человеком надо быть, чтобы в середине рабочего дня, сидя на огороде под яблоней, всерьез обсуждать подобные проблемы. Я втащила Веронику в суровую действительность.

– Не отвлекайся. Подошел, сел рядом. Как он был одет?

Я задавала случайные вопросы, готовая в любой момент уличить Веронику во лжи. Мне казалось, что я смогу отличить вымысел от подлинных событий. Если Вероника решила обвести меня вокруг пальца, то она сейчас насочиняет кучу подробностей, только бы все выглядело правдоподобно. И подробности появились. Вышеупомянутый господин был сухощав, в деловом пиджаке, при галстукке и перстне. В руке «этакий баульчик на молнии, я таких дома не видела, такой из серой замши, может быть, заменитель, но вряд ли».

– О чем вы говорили?

– Я уже не помню. Про Рим, потом про погоду. Он поинтересовался, откуда я. Я ответила – из Москвы. Сказала, что улетаю. Кажется, назвала номер рейса. Нет, конечно, назвала, иначе как этот Игорь мог бы нас встретить?

– Ты сама назвала номер рейса или он спросил?

– Да какая разница? – возмущенно воскликнула Вероника. – Наверное, тебе будет небезынтересно узнать, что потом он взял себе выпить. Кажется, виски, а может, ром, но вероятнее всего, мудреный коктейль. Что-то прозрачное со льдом в красивом таком бокале. Выпил полбокала, отер салфеткой рот и спросил, не могу ли я выполнить его просьбу. Да, забыла... еще улыбнулся.

Она надо мной издевалась. Я знала, что Вероника готова пойти на любые ухищрения, лишь бы отвести подозрение в клептомании. Теперь следовало уточнить с Игорем. Я подзревала, что этого персонажа она просто выдумала.

– Ты говорила, что сама видела, как он положил в конверт фотографии. Откуда он их вынул?

– Из уха! Не помню! Наверное, из внутреннего кармана пиджака. У него было много фотографий. Он отобрал четыре и сунул их в конверт. А телефон, по которому он звонил Игорю, лежал в сером баульчике. Он его оттуда вынул и стал разговаривать с племянником. В записную книжку не заглядывал, значит, помнил номер наизусть.

– И о чем они говорили?

– Объяснял ему, что около колонны в багажном отделении его будет ждать дама. Зачем тебе все это надо?

– Видимо, он знал, что в Домодедово есть колонны. Знал наше багажное отделение.

Вероника посмотрела на меня как-то странно. Видно, она

решила, что я тронулась умом.

– Еще что он сказал племяннику?

– Говорили про пароль. Видимо, Игорь решил, что одного имени мало, и попросил договориться о пароле. Я сказала: ах, пароль? Вот замечательный пароль: «У вас продается славянский шкаф?», а он должен был ответить: «С тумбочкой». Господин не понял иронии и стал толковать Игорю про славянский шкаф. Потом оба смеялись.

– Как ты могла слышать, что Игорь смеется на том конце провода?

– Догадалась. Потом господин сказал: «Не надо пароля. Просто назовите ваше имя».

Мне хотелось крикнуть Веронике: «Зачем ты все это выдумываешь?» Не крикнула, но спросила строго (вдруг собьется):

– Почему ты назвалась моим именем?

– Да просто так. Я заранее знала, что пойду получать багаж, а ты будешь ждать меня и злиться.

Тут меня обожгла новая мысль: Вероника не обмолвилась о белом конверте в самолете. Исчезала она из поля зрения в московском аэропорту? Что, если уже в Москве она кого-то походя ограбила, а потом для отвода глаз сочинила всю эту галиматью? Пора было пускать в ход тяжелую артиллерию.

– Здесь все не просто так, здесь все очень серьезно, – приговаривала я, раскладывая на столе фотографии. – Вот что было в конверте. Смотри внимательно. Среди этих лиц нет

твоего незнакомца?

– Ты вскрыла конверт? – ахнула Вероника. Она нацепила очки, низко склонилась к столу. – Нет. Определенно нет. А это тоже было в конверте? – удивилась она, указывая на Яну.

– Смотри внимательно. Ты же видишь, здесь на каждой фотографии один и тот же человек.

После этого я вытащила снятую на ксероксе бумагу с убитым и положила ее поверх фотографий.

– Боже мой, труп! Зарезан?

– А здесь этот зарезанный сидит за столом рядом с Янкой. Еще могу сказать: в том же конверте был зашифрованный CD-диск. На нем, видимо, записана тайная информация. И еще могу добавить. Яну все эти фотографии чрезвычайно взволновали. С чем это связано, я не знаю, но этот конверт представляет для моей дочери реальную опасность.

– Ты хочешь сказать, что Янке таким способом прислали черную метку?

– Именно.

Вероника откинулась на спинку лавки и долгим, пытливым взглядом стала осматривать окрестности, то есть тыкаться взглядом в кирпичные стены, граненые цоколи и легкие башенки чужой жилплощади, где прятались порок и зависть.

– Не откидывайся на спинку, – сказала она вдруг, заметив мою расслабленную позу. – Эта лавка старше меня.

– Но ты же откидываешься!

– Мне можно. Лавка меня знает. Ладно. Надо спасти внушку. Пойдем.

– Куда?

– Тут рядом.

Вероника надела резиновые перчатки и решительно открыла калитку.

Меньше всего я ожидала, что она приведет меня к помойке. На скрытой кустами бетонной площадке стояли мусорные баки, рядом лежали пластиковые пакеты разной расцветки и размера.

– Не увезли, – удовлетворенно заметила Вероника, ловко палкой выдернула красный пластмассовый куль с изображением кинодивы и отнесла его в сторонку. Потом, к моему удивлению, она развязала пакет и вывалила его содержимое на бетонные плиты. Среди картофельной шелухи, банок, окурков и прочей дряни была обнаружена изящная записная книжка с золотым обрезом. Обложки не было, поэтому первая и последняя страницы были безнадежно испорчены. Без намека на брезгливость Вероника отерла записную книжку, сунула ее в карман, запихала мусор в пакет и бросила его в общую кучу.

– Вовремя ты приехала. Завтра было бы поздно, – сказала она по дороге домой.

– Чья это книжка?

Вероника не любила отвечать на прямо поставленные вопросы, поэтому ответила уклончиво:

– Здесь одни иностранные адреса. Зачем мне ее хранить?

– Эта книжка принадлежит мужчине, который дал тебе конверт? Да? Что ты молчишь?

– Она валялась на полу. Под стулом. Там в кафе были такие круглые стулья, очень тяжелые. Он уже ушел. Я подняла книжку. Я надеялась его найти и отдать ему. Но мой седой блондин исчез.

– И что... книжка валялась в таком виде? Без обложки?

– Ну почему же? Обложка была. Я оставила ее себе. Зачем выбрасывать такую хорошую вещь?

Когда мы опять уселись под яблоню, я уже ясно представляла себе ситуацию. Книжка была положена на солнышко посушиться.

– Вероника, дорогая, а ты не можешь показать мне обложку?

– Зачем? Я не помню, куда ее задевала. Я могу тебе ее описать. Она такая узкая, коричневой кожи, с золотым вензелем, похожим на астрологический знак.

Я понимала, что требую от тетки слишком многого. Могу себе представить, чего ей стоило рассекретить свой трофей. Чтобы уберечь мою дочь от беды, она совершила подвиг, пошла на таран собственной души.

– Голубчик, тетушка, найди! А если там в кожаном кармашке притаилась какая-нибудь информация? Ну, например, чья-нибудь визитка.

– Не было там никаких кармашков. Там были такие хля-

стики, такие защипы, чтоб держать обложку.

В конце концов я ее уломала. Она ушла в дом и через минуту принесла требуемое. На вид этот предмет меньше всего напоминал обложку. Он был похож на старинный, очень изящный несессер. Главное, что меня интересовало в этой вещице, – ее размер. Конверт не мог уместиться в этой кожаной обложке, то есть мое предположение, что конверт она украла вместе с записной книжкой, полностью отвергалось. Значит, ром отдельно, баба отдельно. Он действительно существовал – господин X, он дал ей конверт, а в тот момент, когда он ходил за выпивкой, она благополучно слямзила из баула эту кожаную красоту с золотыми бляхами. Но, кажется, Вероника говорила, что вначале он принес выпивку и только потом попросил передать племяннику фотографии. Это не важно. Моя тетушка сумела выбрать момент. Я ясно представляла, как она сидит на стуле с отсутствующим видом, уголок рта лезет вверх, правая рука бессильно опущена. Секунда, и молния на баульчике расстегнута, а ее собственная черная сумка, жившая всегда с раскрытой пастью, готова принять очередной дар.

– Держи меня в курсе, – сказала тетка напоследок.

– Как? Я же не могу тебе позвонить.

– Я сама приеду. Может, еще что-нибудь вспомню.

– Я одного не могу понять. Неужели он тебе дал заведомо неправильный телефон?

– Все может быть. Но почему не предположить, что неве-

домый Игорь работает именно в прачечной?

Так часто бывает – начнешь заниматься каким-то делом, а потом выясняется, что к тебе оно имеет только косвенное отношение, но ты уже не можешь остановиться. Любопытство гонит по следу, и ты бежишь, не чуя под собой ног. А потом – блямс! Сам в этот капкан и угодил.

Пора объяснить, почему Яне так срочно понадобились опасные фотографии. Но не будем торопиться. Разберем события последних дней по сценам. На повестке дня стояли два вопроса. Первый и главный был педагогический – разобраться с Сонькиной директрисой. Второй и вспомогательный казался бессмысленным, но мучил неотвязно – хотелось отыскать туристическую фирму «Зюйд-вест». Яна решила направить туда стопы, чтобы узнать, работал ли у них Виктор Вершков и что он за человек. В общем – поговорить. Можно было назваться журналисткой, мол, после анализа итальянских газет мы решили навести справки...

А можно и не спрашивать ничего. Яне казалось, что как только она попадет в туристическую контору, то сразу почувствует – опасна она для нее или нет. Сердце-вещун должно подсказать.

Разговор в школе обещал быть крайне неприятным, поэтому Яна решила вначале разделаться с легкой задачей. Но и здесь были свои трудности. Давно ушли те благодатные вре-

мена, когда можно было подойти к будочке около метро и попросить девицу в окне найти адрес нужного тебе человека. Надо было только сообщить его имя-отчество и возраст. А уж узнать месторасположение учреждения – вообще не было проблем. Через десять минут тебе за копейки выдавали справку, где имелся не только искомый адрес, но и все способы добраться до него подземным и наземным транспортом.

А сейчас как? По дороге на работу Яна купила газеты со всевозможными адресами турагентств, но требуемого среди списков не обнаружила. Надо было опять обращаться к интернету, то есть к Борису. Нельзя сказать, чтобы ей это было неприятно. Просто она предвидела, как пойдет разговор. Борис будет сидеть за компьютером, работать с документами фирмы, оформлять договора и вопить, что безумно занят. Нет, он не отказывается оказать милейшей Яне Павловне услугу, но не сейчас, а потом, вечером, потому что клиент торопит и так далее. Тоска! Симпатичный ведь мужик, одно непонятно, если ты горбатишься по двенадцать часов на работе, а на фирме платят очень неплохо, то почему у тебя вечно денег нет? Злые языки предполагали казино, фишки, карты, неудовлетворенный половой инстинкт, то есть проституток... Ладно, пойдем к Борису.

Тот откликнулся на просьбу Яны благожелательной улыбкой и против ожидания не стал скулить из-за занятости, не давал советов, мол, если вы хотите путешествовать, то ищите надежную фирму, а молча поднялся и пошел к другому

компьютеру.

– Вы говорите, что пресса не дает адрес этой конторы? Наверняка ваше турагентство очень маленькое. Может, его уже в природе нет. Интернет – другое дело: если «Зюйд-вест» когда-нибудь существовал, то наверняка наследил в виртуальном пространстве. И, стало быть, его следы все равно сыщутся.

Поиск следов длился десять минут, потом двадцать. Яна не выдержала:

– Сорвалась охота? Наврал, следопыт!

– Не только следопыт, но и бойскаут. Яночка, клянусь, после работы из кожи вылезу, но найду. Найду и сразу позволю. «Зюйд-вест» – обалденное название! Вызывает в памяти море, каравеллы, Гумилева с музой странствий и изысканным жирафом на озере Чад... Может быть, вам потребуются сопровождающие? Не на озеро Чад, а в турагентство... Тогда я готов.

Борис говорил быстро, что называется, трещал языком, при этом улыбался безоблачно, однако Яна поймала себя на мысли, что собеседник не просто так балаболил. Что-то он усмотрел в ее поведении и решил, что она нуждается в помощи или защите. Да нет же, глупости! Обычный самец. Им только палец протяни, и все начинают набиваться в помощники и защитники.

– А как там мой диск? – спросила Яна строго, отмечая все попытки неуклюжего ухаживания.

– Отрабатываем защиту DESS, – отработовал Борис шепотом – в комнате находилось еще четверо человек, – это самые распространенные алгоритмы, – в глазах его, пробивая искрами стекла очков, плясали бесы. – В заначке имеются и другие программы. Надеюсь, что к услугам «Фасби» вам лично прибегать не придется.

– Какой такой «Фасби»?

– А это, милейшая Яна Павловна, различные алгоритмы шифрования по ГОСТу в ФСБ.

– Тьфу на вас! – крикнула Яна. – И шутики-то у вас какие-то дурацкие. Понимаете, что я от вас завишу...

– Яночка, ну что вы, право... – услышала она уже в дверях. – Это я от вас завишу! И буду зависеть всегда!

Стало быть, вначале едем к директрисе. Такая выпала карта. Но к Кире Дмитриевне просто так на прием не попадешь, нужно было заранее договариваться с секретаршей. Юная Настя уже была приручена, Яна не забывала дарить ей коробки конфет, но на этот раз с визитом возникли трудности.

– Только после пяти. Яна Павловна, я все понимаю, но у нас тут конец учебного года и вообще... Так я вас записываю?

Может, оно и к лучшему, что Кира Дмитриевна с утра занята. Поездку к заказчику Яна тоже решила отложить на послеобеденное время.

Удивительна особенность неприятных дел кучковаться и проливаться потом грозovým дождем. Клиент был трудный.

Он заказал полный дизайн квартиры, что называется, под ключ. Эти заказы считались выгодными, потому что клиент давал работу всем. Компьютеры трудились, просчитывали каждый метр площади. Фирме надо было самой подобрать мебель и материал отделки, и краску, и плитку, и фурнитуру, и полотенца с домашними тапочками.

Трудность состояла в том, что этот клиент, хоть и косил под продвинутого, на деле торговался из-за каждой копейки и срывал все сроки. Метр дизайна в «Полете» стоил тысячу долларов, но богатый жмот утверждал, что цена слишком большая, что он знает людей, которые все это сделают за восемьсот, а если поторговаться, то и за шестьсот баксов. Ну так иди к ним, господин хороший, зачем нам голову морочить? В сегодняшнюю задачу Яны входило уболтать клиента и ни в коем случае не допустить, чтобы он действительно поменял дизайнерскую фирму, обговорить светильники и подвесные потолки, а также выбить его согласие на кухню.

Заказчик оценил, что договариваться приехал не абы кто, а сама Яночка. Уважают, если его квартирой занялась сама начальница. Кофейку, коньячку, туда-сюда... И как ни в чем не бывало: «Не будем спорить о цене, главное, чтоб мне понравилось!» Да кто ж с тобой, гусь хрустальный, будет спорить о цене? Выложишь свои тысячи как миленький!

– Так мы будем делать встроенный шкаф или нет?

– Я еще не решил.

– Понимаете, мы уже обмерили вашу нишу. Теперь нам

осталось только послать по факсу в Италию чертежи. Это будет сделано через две недели. Вы нас, с одной стороны, торопите, а с другой – срываете сроки.

– Я не могу так – с наскоку. Мне в этом доме жить.

Он не то чтобы откровенно подмигивал Яне, но она всегда чувствовала, клюнул на нее данный индивидуум или нет. Этот клюнул, но не вызывал ни малейшей симпатии. Если он так экономит на дизайне собственной квартиры, то в любви он просто жмот. И вообще, пошел он к чертовой матери! Надо же быть столь откровенно некрасивым! Нос узкий, как у Буратино, волосиков на голове нет, череп мятый, кожа на щеках натянута, как на барабане. Ну почему в мире так мало красивых людей? Есть женщины, которым как раз нравятся некрасивые мужики, но для нее эстетика всегда была важна. Ашот – другое дело. У Ашота были ГЛАЗА, и кроме того – он ее любил. А этому только бы под юбку залезть, переночевать там спокойно, а потом исчезнуть в неопределенном направлении.

– Я вам все оставляю, все наши прикидки, но сама больше не приеду. Просто позвоню по телефону. А вы скажете – да или нет. Насчет синего цвета мы договорились.

– Насчет синего цвета мы договорились, – согласился он, подливая масла в свой и без того лоснящийся взгляд.

По строгим меркам Яну нельзя было назвать красивой. Просто у нее был замечательный цвет лица, хорошей формы нос, эдакий вздернутый, не курносый, но пикантный, и лег-

кая походка. Все прочее тщательным образом обрабатывалось. Например, волосы, они были у Яны слабыми и тонкими, но она сделала такую стрижку, что при первом взгляде казалось, что у нее на голове прямо-таки ухоженная грива. Вторым взглядом мужской пол оценивал уже фигуру и оставался ею очень довольным.

Выйдя от заказчика, Яна поняла, что не решила ни одной задачи. Заказчик так и не сказал решительного «да», все опять висит в воздухе, художники начнут орать, что не могут без конца переделывать эту кухню. А что им ответить?

Но, как говорила незабвенная Скарлетт, об этом я подумаю завтра. Теперь надо сосредоточиться. В час пик выбраться из Коньково не так уж просто. Случись на дороге, как говорят теперь, ситуация, во всем обвинят ее. Женщина за рулем всегда предмет раздражения. Главное следить, чтобы какой-нибудь придурок не выскочил наперерез со второй-степенной дороги. В Москве, если рядом ментов нет, только правило правой руки более-менее соблюдается, во всем прочем полный беспредел. Вон какой-то псих перестраивается. Ведь явно он не смотрит ни влево, ни вправо. Дать бы ему в задницу как следует. И еще ручкой помахал. А вот этот справа, серый, явно любит рисковать, с ним надо поосторожнее. Гаденыш такой, да не уступлю я тебе дорогу!

К гимназии Яна приехала во взвинченном состоянии. Одна радость, приняли ее сразу. Директриса, сорокалетняя дама треш, являла собой идеальный вид современной педаго-

гической начальницы: короткая стрижка, умеренный макияж, модная, неброских тонов одежда и накрепко приросшее к лицу выражение доброжелательности с намеком на сострадание. Кира Дмитриевна обладала безусловно положительным качеством: она умела слушать. Этим качеством и решила воспользоваться Яна. Ей надо было так выстроить свою речь, чтоб она шла сплошным забором, чтоб ни щелочки, в которую директриса могла бы всунуться со своими возражениями.

– Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста.

– Здравствуйте. Моя дочь Соня Соколова была по вашему распоряжению у психотерапевта, и тот назначил ей ходить еженедельно или около того к нему на беседы, чтобы снимать стресс. Я этого не понимаю. Может быть, психотерапевт дает нам понять, что моя дочь не выдерживает нагрузки, и мне надлежит перевести ее в другую школу? Все это чушь и глупость!

– Это будет решать педагогический совет.

– Никакого стресса у ребенка нет. Ваш врач говорит, что ребенок живет в ополовиненной семье, а потому у Сони неизбежны невротические явления.

– Давайте поговорим спокойно. В первую очередь мы заботимся о ребенке.

– У меня действительно нет мужа, поскольку я не ощущаю в нем ни малейшей необходимости. Я, как американцы говорят, «женщина-сэндвич»: с одной стороны я зажата рабо-

той, то есть ежедневно должна бороздить плугом планету, с другой – необходимостью топить семейный очаг, а с третьей – воспитывать ребенка, – Яна говорила как бы подшучивая над собой и над ситуацией, но постепенно набирала обороты, какие тут могут быть шутки, – дочь находится со мной в контакте, учится хорошо, поэтому предупреждаю, что из вашей гимназии я никуда ее переводить не буду и ни к психотерапевту, ни к психологу ее не пущу. Вы знаете, сколько это стоит?

Директриса было открыла рот, но Яна не дала вырваться звукам на волю.

– По глазам вижу, что знаете. По-моему, мы договорились, – она резко вскочила на ноги и направилась к двери.

У Яны был уникальный слух. Может быть, ей показалось, но вряд ли. Оглянувшись в дверях, она уловила в шевелении губ директрисы слово «психопатка», тут же вернулась к столу и сказала:

– Отнюдь. Ничего психопатического во мне нет. Я плачу вам очень хорошие деньги. Я руковожу людьми. В моем подчинении пятнадцать человек, не считая легиона клиентов. И со всеми я нахожу общий язык. Я думаю, что на будущий год найду общий язык и с вами. До свидания! – дверью Яна не хлопнула, нет, закрыла с осторожностью.

Секретарша вскинула на Яну удивленные глаза.

– Быстро вы договорились!

– А то! Можно позвонить? Я мобильник в машине забыла.

Телефонный разговор тоже был быстрым. Сонька была дома, суп разогрела, котлеты лопала холодными. Хорошо хоть поела. Все о'кей! А директриса пусть немножко охолонется. Не буду я перед вами лебезить, дражайшая Кира Дмитриевна! С волками жить – по-волчьи петъ... то есть – выть. Глядя на взъерошенный Янин вид, секретарша участливо спросила:

– Что вы так разнервничались? Хотите покурить?

– Разве у вас курят?

– Да сейчас уже нет никого. А Кира Дмитриевна сама курит, – добавила она шепотом. – У нас такие неприятности...

– Из-за родителей?

– А из-за кого же? Понимаете, Кира Дмитриевна создает юнеско-класс. Это будет экстра-класс для высокоодаренных детей. Им будут предоставлены поистине уникальные возможности в смысле образования. И вдруг сегодня мы узнали, что один из родителей, на которого мы особенно рассчитывали, лежит в больнице с огнестрельной раной. Его ранили в голову или где-то совсем рядом. Словом, рана очень опасная.

– Господи, кто это?

– Рейтер Геннадий Федорович. Он наш главный спонсор, и его сын...

– Это Ванечка-то высокоодаренный! Да он только в три года говорить начал, а в четыре еще писал в штаны! А сейчас он пойдет в ваш юнеско-класс?

– Ну зачем вы так говорите? Он отлично прошел все тесты, – секретарша заглянула в какие-то списки. – Ну, если не отлично, то, во всяком случае, совсем неплохо.

Только тут до Яны дошел истинный смысл услышанного. Генка Рейтер в больнице с пробитой башкой! Все это звенья одной цепи.

– А что случилось с Рейтером?

– Я не знаю точно, говорят, стреляли из «Калашникова». Шофер – насмерть, охрана, по-моему, тоже в лоскуты, а он сам без сознания...

– Когда это случилось?

– Вчера.

– В какой больнице он лежит?

– Так вы его знаете? Он ваш друг?

– Конечно, друг...

«Или враг», – подумала Яна, записывая адрес больницы. Геннадий Федорович Рейтер был правой рукой Ашота, не исключено, что этой рукой он его и придушил. Как уже говорилось, сейчас Рейтер пребывал в должности генерального директора фирмы «Феникс».

– Я нашел, Ян очка! – счастливым голосом кричал Борис по телефону. – Ваш «Зюйд-вест» обретается в Бригадирском переулке. Это в Лефортово. Записывайте подробный адрес.

– Спасибо, Борис. Вы настоящий следопыт. Я ваша должница.

– К трем неоплаченным поцелуям прибавляются еще два.

– Оптом отдам, оптом. Передайте завтра Верочке Ивановне, что с утра меня не будет. С клиентом работаем по прежней договоренности.

Бригадирский переулок нашелся относительно быстро. Почему туристическая контора решила осесть в этом непрестижном районе? Здесь, конечно, аренда дешевая, но кто сюда потащится оформлять заграничную поездку? Серые коробки домов, рядом какие-то корпуса – по виду заводские. На нужном доме было полно досок с указанием учреждений, но ни одна из них не желала хотя бы обмолвиться о дальних странствиях.

Яна два раза обошла дом кругом, попрыгала, пытаясь заглянуть в окна, потом села на лавочку рядом с мрачной старухой в пуховом платке, которая пасла на газоне кота. Котик был совсем юный, похоже, он первый раз вышел в большой мир и теперь сидел, выгнув спину, и зыркал вокруг затравленно.

– Простите, пожалуйста. Вы не подскажете, где здесь у вас турагентство «Зюйд-вест»?

Старуха покосилась на Яну с явной неприязнью.

– Какой у вас котик славный! Это мальчик или девочка? У моей мамы тоже есть Барсик. Такой шалун! – Яна умела нравиться, когда хотела.

– Вот и сидели бы рядом с мамой, вместо того чтоб по гнилым агентствам шастать!

Яна опешила.

– Почему – гнилым?

– Но вы, моя милая, опоздали. На ваше счастье. Здесь раньше очереди по всем тротуарам стояли, и все такие же, как вы... А когда милиция явилась этот шалман разгонять, их уже и след простыл.

Коту наскучило бояться, он подошел к скамейке и, к удивлению Яны, стал тереться о ее ногу. Теперь вся брючина будет в кошачьей шерсти. Но Яна не отдернула ногу, стойко выдержала неожиданную ласку и даже загулькала с котом, как с ребенком. И старуха смягчилась, поведала подробности.

Оказывается, фирма «Зюйд-вест» канула в Лету. Закрылась она внезапно. А было процветающее заведение для отправки особ женского пола в туристические поездки, а также на работу за бугор. Обещали, что устроят кого няней, кого танцовщицей или фотомodelью. В клиентках отбоя не было. Жильцы дома, естественно, протестовали. Кому понравит-

ся вечный гам под окнами? Кроме того, очереди оставляли после себя груды мусора, банок и склянок, а в подъезде и шприцы находили. Жильцы и вывели всех на чистую воду. Оказалось, что всех любительниц легкой жизни устраивали потом в одно место – в бордели. Вначале девицы в очереди стояли, потом матери стали сюда наведываться: крики, плач! Сколько им из-за границы писем жалобных приходило! Мол, мы здесь никто, мы рабыни, холодно нам и голодно, домой хотим, но денег на обратный путь не наберем никогда.

– Так что считайте, что вас Бог миловал.

– Да я, собственно, по другому делу...

– Это хорошо, если по другому. Я сама в эту контору по другому делу заходила – чайку попить. У меня там сватья уборщицей работала. Очень прилично все было, красиво, шелковые цветы в вазах, на стенах иностранные плакаты. Все, Рыжик, нагулялись, пошли домой...

– Еще один вопрос. Когда закрыли фирму?

– Да недавно. На прошлой неделе.

– А сейчас кто в этом помещении находится?

– Сторож. И будет он там сидеть, пока срок аренды не истечет. Видно, платят ему, а кто – не знаю.

Плохая контора-то! И если гид Виктор Вершков действительно сотрудничал с «Зюйд-вестом», он вполне мог втянуться в грязные дела. Но это чужие дела. За фирму «Феникс» она, пожалуй, не поручится, но Ашот никакого отношения к туристическому бизнесу и торговле людьми не

имел. И точка. Яна испытывала от рассказа старухи явное облегчение. Судьба сама закрыла двери перед чужими тайнами, явно показывая, что не стоит ей заниматься авантюрными расследованиями.

На стоящего под липой мужчину Яна обратила внимание, еще когда бродила вокруг дома, подумала – вот хорошо сложен, сплошные мышцы. Потом, когда беседовала со старухой, Яна, что называется, кожей ощутила его взгляд. Она привыкла к этим взглядам, но здесь почему-то заволновалась. Где-то она его уже видела, голубчика. Клиент, что ли? Мало ли их шлялось в их контору... Она продолжала разговаривать со старушкой, а сама искоса поглядывала в сторону липы. Не уходит, стоит, вытащил сигарету. На нее не таращится во все глаза, а так только, словно от нечего делать, задерживает взгляд и тут же отводит в сторону. Ну и что? Просто кого-то ждет. Он ждет, когда жена выйдет из подъезда.

Разговор со старушкой настолько заинтересовал Яну, что она забыла поглядывать в сторону незнакомца, а когда вспомнила, его и след простыл. И вдруг на подходе к машине она столкнулась с ним нос к носу. Хорошее лицо, пышные волосы разметало ветром, пожалуй, чуть-чуть, самую малость он похож на Есенина. А может, и не на Есенина, но уж во всяком случае не на Блока. Хорошее русское лицо... Он смотрел на нее во все глаза, не скрывая удивления, что в мире сыскалась наконец такая замечательная... Еще секунда, и он начнет знакомиться.

Яна решительно обошла мнимого поэта, села в машину и рывком тронулась с места. Черт, почему дрожат руки? Ее стремительное движение похоже на побег. Машина со скоростью ста километров в час наматывала на колеса шоссе Энтузиастов. С перепугу Яна поехала в другую сторону, неведомым образом оказалась на Красноказарменной, а теперь рвалась к центру. И вдруг так же резво, в нарушение всех правил движения, она ринулась к обочине и встала, как вздыбленный на скаку конь.

Это был не наезд, не хамство лихача, от которого ты судорожно бьешь по тормозам, а потом не можешь прийти в себя. Просто ей надо было немедленно закурить, чтобы успокоиться. Она назубок помнила правило – не курить за рулем. Это стало правилом после того, как она в деревне, прикуривая на ходу, угодила в кювет. Слава богу, ее вытащили, и даже машина не пострадала, но на всю жизнь при воспоминании об этом случае в коленках появлялась противная дрожь. Теперешняя тряска рук и ног, а попросту говоря, всего существа ее, была сродни тому деревенскому состоянию. Она вспомнила. Теперь ей срочно нужны фотографии из белого конверта. Пока еще оставалась слабая надежда, что она ошиблась. Все знают, что у страха глаза велики.

Ну хорошо, она его узнала, потому что видела. А он откуда ее может узнать? И смотрел он на нее обычным мужским заинтересованным взглядом. В нем не было ничего похожего на угрозу. И, если хотите знать, у нее имелось на ру-

ках неоспоримое преимущество. Раз уж столкнула их судьба нечаянно около плохого турагентства, то ей бы не мешало использовать свое тайное знание. Ой, избавьте меня от этого. Не хочу!

Яне понадобилось две сигареты, чтобы прийти в себя. Перед тем как тронуться, она осторожно выглянула из машины – не учинил ли очарованный незнакомец за ней слежку.

Мы все напичканы детективными историями под завязку. Убивают в реальной жизни, с телевизионного экрана текут ручьи крови, романы в мягких обложках вопиют о жестокости и садизме. И все друг за другом следят! При слове «хвост» современный обыватель первой ассоциацией представляет не лису или павлина и не очередь за водкой в былые времена, а именно тайного соглядатая.

Беда Яны, а может быть, счастье состояло в том, что она не заметила ничего подозрительного. Сама того не сознавая, она искала в потоке машин алый «мерседес». А то, что рослый, с пшеничными волосами незнакомец с фотографии мог ехать за ней в сереньком, неприметном, как полевая мышь, ВАЗе, ей и в голову не пришло.

Яна изо всех сил старалась не выдать перед матерью волнения, не вырвать у нее из рук фотографии, а с достоинством принять белый конверт и положить его на полку поверх книг, чтобы потом в одиночестве сверить изображение с удерживаемым в памяти зрительным образом.

Но перед Елизаветой Петровной на этот раз не надо было лукавить. Она была целиком поглощена новостью, которую привезла с Соколиной Горы.

– Поставь цветы в воду! Последние нарциссы... Вероника по штучке выбрала. Ой, Янка, тебя ждет рассказ... Ты сейчас со стула упадешь. Только отдышись. И хорошо бы чайку.

– Зачем мне падать, если я уже упала? – ворчала Яна, делая бутерброды. – И не хочу я никаких новостей. Мне бы эти переварить.

Только усадив мать за чай, Яна смогла добраться до фотографий. Спрятав конверт на груди, она удалилась в ванную и включила воду – обычный отвлекающий момент. Да, он, конечно, он, стоит и смотрит прямо в объектив. По снимку нельзя было определить, где он сделан – дома или за границей. Правильнее предположить последнее. Зачем из Рима посылать в Москву фотографии, сделанные здесь. Не проявлять же они их в Италию посылали. Ну хорошо, фотография сделана в Италии. И что это нам дает?

Все это неважно, она думает про какую-то ерунду. Главное, что это он пасся около «Зюйд-веста». Что он там вынюхивал? А может быть, отслеживал всех, кто туда наведывается?

– Янка! Иди же наконец сюда. Слушай! Итак, я поехала к Веронике...

Слишком много случайного в этой истории. Так не бывает. Милая моя, говорил Яне внутренний голос, все бывает. Бывают фантастические совпадения, когда человек в один и тот же день три года подряд ломает конечности. Случайность, закономерность? А может, все размечено в книгах бытия, а случайные на первый взгляд совпадения посылаются людям для того, чтобы глаза протерли, посмотрели окрест и задумались.

– Слушай, ма, начни сначала. Я что-то вырубилась...

Елизавета Петровна с охотой повторила рассказ и положила перед дочерью растрепанную записную книжку.

– Назовем его господин X. Ну что ты на меня так смотришь?.. Эта записная книжка принадлежит господину, который передал Веронике в аэропорту белый конверт. Здесь телефонные номера со всей Европы, а может быть, и Америки. Я в этом ничего не понимаю. Иностранные фамилии, латинский шрифт. Но есть и московские телефоны. И их немало.

– Почему-то эти тайны пахнут гнилью, – проворчала Яна, разъединяя слипшиеся страницы.

– Большинство тайн на свете имеют именно такой запах, –

согласилась Елена Петровна: она не рассказала дочери, что записная книжка побывала на помойке.

– И что это нам может дать?

– Понятия не имею! Но давай наконец грамотно сформулируем задачу. Что мы ищем?

– Я не ищу, – проворчала Яна. – Я бы хотела находиться среди тех, кто спрятался. Но выхода нет. Формулируй.

– Нам совершенно наплевать на их криминальные тайны. Но нам надо узнать, какое место во всей этой истории отводится тебе.

– Случайное, – быстро сказала Яна.

– А мне кажется, что ты чего-то недоговариваешь. Зачем тебе понадобились фотографии?

– Чтобы выкинуть весь этот мусор на помойку. Выкинуть и забыть о нем. Пока эти фотографии у тебя на руках, ты не успокоишься и будешь все глубже погружаться в трясину.

– Ты уверена, что тебе ничто не угрожает?

– Совершенно. Я пошла стелить постель.

Только когда дом затих, а мать спрятала очки и выключила настольную лампу, Яна позволила себе расслабиться и внимательно обследовать записную книжку. Хозяин ее не отличался аккуратностью. Глянцевые, шелковые на ощупь листки были исписаны небрежно, многие телефоны были зачеркнуты, чернила были и черные, и зеленые, около иных фамилий стояли красные кружки. Похоже, здесь были номера со всего мира. Яна узнавала восьмизначные парижские –

они начинались с единицы, это, пожалуй, Италия, да, конечно, Флоренция, судя по коду, а здесь прямо написано – Милан. Десять телефонов, раскиданные по разным страницам, значились под русскими фамилиями, две из этих фамилий были снабжены адресом. Один телефон ее особенно заинтересовал, потому что это тоже было турагентство с красивым названием «Марко Поло-3».

Мать так радовалась, что обнаружилась эта книжка. А какой от нее толк? Набираешь номер и вежливо лопочешь: «Простите, не подскажете ли мне, куда я попала? Мне нужен господин... неразборчиво написано, господин Краюхин». Господин подходит к телефону... А дальше что? Бред! Яна взяла листок бумаги и аккуратно выписала все русские телефоны – на всякий случай. Не носить же с собой в сумке эту вонючую книжицу. Она вообще испытывала к чужим записным книжкам не то чтобы брезгливое отношение, нет... Она их опасалась, как что-то чересчур личное, куда неприлично совать нос.

Что-то еще она забыла сделать, что-то неотложное и важное, важное и неприятное... Как же, как же... За хлопотами она так и не удосужилась позвонить в больницу и справиться о самочувствии Рейтера. Сейчас звонить уже поздно. «А что мне выгоднее, – подумала Яна безучастно, – чтоб он концы отдал или живым остался?» И тут же одернула себя – угомонись, бесстыдница! Как легко, оказывается, очутившись в тисках страха, люди теряют нравственную ориентацию. Сло-

ва-то какие нелепые в голову лезут! Явно из материнского лексикона. Нравственная ориентация! Это надо такое придумать.

Просто у нее крыша поехала. Самого Рейтера Яна не боялась. Генка хоть и негодяй, но он сословно свой. С пистолетом в руках он бы выглядел просто смешно. Но Генка любопытен сверх меры... Что за детское определение – любопытен? Он бульдог, и хватка у него бульдожья. И если дела в «Фениксе» несколько увяли, он может начать охоту за спрятанными Ашотом деньгами. Но во второй раз Генка не будет на коленях стоять, а возьмется за дело серьезно. Вепрь толстокожий для частного разговора наймет людей с уголовным прошлым. Эти лихие пацаны Ашота на тот свет отправили, а с ней тем более церемониться не будут. И Яна под горячим утюгом тоже не сможет церемониться, выболтает все как миленькая...

А как же быть с тем «голосом за сценой», который велел молчать? Нет, так дело не пойдет. И вообще, какие утюги, какие уголовники? Пока Генка под капельницей лежит, вряд ли кто-нибудь призовет Яну к ответу. И жалеть Рейтера она не будет! Пень с ним, с Рейтером!

Ей сейчас о своих близких надо думать. Кто знает, не явись мать с Соколиной Горы настолько возбужденной, Яна, может быть, сгоряча проболталась бы ей про свой поход в «Зюйд-вест» и про встречу с хозяином алого мерса с фотографии. Но если рассказывать все, то надо поведать и про

истинную причину страха – то есть про Ашота. А тут надо отдавать себе отчет: если перед Елизаветой Петровной истина встанет во всем своем неприглядном виде, она может и в милицию отправиться. Эти шестидесятники-семидесятники такие наивные люди! Они еще верят, что старший лейтенант может разобраться в любом нагромождении неприятностей.

Еще больше, чем угроза связаться с милицией, Яну пугала активность матери. Рассказывая про записную книжку, она от нетерпения слова глотала. И при этом без конца повторяла: «нам надо придумать», «нам надо предпринять».

Нет, моя хорошая. На носу лето, в библиотеке вот-вот разразится ремонт. Ты, матушка, забираешь Соньку и уедешь в Эстонию. Приглашение на побережье Яна получила еще в марте. Пару недель можно пожить на Соколиной, если Вероника так уж зовет, а потом на все лето в Балтию. Главное – как можно быстрее расшифровать диск. Если она поймет, что содержащаяся на нем информация не имеет к Ашоту и его тайне никакого отношения, то можно просто сломать диск и выбросить его в помойку.

А если имеет? Тогда что делать? Выход напрашивается тот же – сломать и в помойку. И ничего от этого не изменится. Нет, не все так просто. Вот перед ней лежит чужая записная книжка. Какой-то болван залил ее водой или соком. На первой странице осталось всего несколько цифр и ни одного имени. В самом верху осколок телефонного номера, его хвостик – 78. Но у Ашота именно этой цифрой кончался но-

мер мобильного. И его никто не звал по фамилии. Яна была уверена, что многие ее даже не знали. Он был просто Ашот, поэтому место ему как раз на первой странице итальянской записной книжки.

Утром перед работой Яна позвонила в больницу.

– Рейтер? А кто его спрашивает?

– А это так уж важно? Следователь.

– Рейтер по-прежнему в реанимации. Состояние тяжелое.

– Подождите, не вешайте трубку. Когда я смогу его увидеть?

– Да кто ж это знает? К нему никого не пускают. Он без сознания. А следователь у него, – ехидно добавил женский голос, – между прочим, мужчина. – Ту, ту, ту...

Завертелась машина... И какой-то следователь уже рулит, ищет злоумышленников. Ритке, что ли, позвонить? Справиться, кому понадобилось убивать жалкого гида Вершкова. Только зачем ей это знать? Нет, никуда звонить она не будет. Яна твердо решила: чему быть, того не миновать. Кто она есть? Песчинка в потоке времени. И не в ее силах что-то изменить. Поэтому она выпускает из рук бразды правления. Пусть все идет само собой. Бразды – это удила конские, а у нее в руках концы перепутанного клубка веревок. Яна решила, что сегодня же попросит отпуск. На работе график, все отпускные сроки оговорены, ее начнут стыдить и вразумлять. Но если твердо стоять на своем, дней через десять, в крайнем случае через пятнадцать можно будет всем вместе

отбыть в Усть-Нарву. Только бы визы получить.

– Простите мою навязчивость. И не обижайтесь. Я вас выследил. И теперь жду вашего появления уже час. дождался, как видите.

Вчерашний незнакомец (иначе говоря – тип с фотографии) стоял около Яниной машины и беззастенчиво сиял глазами, по-русски он говорил почти чисто, но с явным акцентом, который странным образом усиливал его умоляющую интонацию.

– Вижу, что дождались, – с металлом в голосе произнесла Яна.

– Не уходите, дослушайте. Вы поразили меня с первого взгляда, потому что очень похожи на одну мою знакомую, с которой... которая... ну, в общем, не важно, – он окончательно запутался и рассмеялся.

Первый испуг, который окатил Яну, как ушат холодной воды, прошел. Незнакомец выглядел таким смущенным, ветер так беззаботно ерошил его пшеничную гриву... Он никак не был похож на уголовника, которого бы Рейтер послал по следу. Симпатичный, элегантный, Яна это ценила. Тончайший мохеровый свитер цвета кожуры киви шел к его глазам. На этот раз он совсем не был похож на Есенина.

Словом, ясным теплым утром Яне уже не хотелось бежать от незнакомца сломя голову. Это ночью страх подбирается

к самому сердцу, а на солнечном свету всякая нечисть распадается на элементы. И уж если она не оставила попытки разобраться в этом загадочном деле, то судьба явно дает ей шанс.

– Положим, я похожа на вашу приятельницу. Бывает. И что вы от меня хотите?

– Я знаю, что я от вас хочу, только не осмеливаюсь облечь это в слова.

– Вы либо облакайте, либо мы расстаемся. Я на работу опаздываю.

– Нет, нет, не расстаемся! Ни в коем случае. Не считите за дерзость – как вас зовут?

Первым побуждением Яны было назвать чужое, абстрактное имя, но она тут же обозвала себя дурой. Можно подумывать, что если она назовется Катей, то их дальнейшие отношения потекут по другому руслу.

– Меня зовут Яна Павловна.

Он несколько картинно поклонился, мол, очень приятно, потом сотворил что-то с собственными ногами, отчетливо было слышно, как щелкнули каблуки его мягких замшевых туфель.

– А я – Сержио... без отчества. Сержио Альберти. На Западе людей зовут просто по имени. Я бизнесмен и приехал в Москву из Рима.

Понятно, что не из Солнцева и не из Канашкиной прорези...

– Я действительно не могу больше задерживаться. Приятно было познакомиться.

– Два слова! – крикнул он, картинно вскинув руки. – Я приглашаю вас в ресторан. Сегодня. Время назначьте сами. Не говорите – нет! – Он наморщил нос, как смущенный ребенок.

Яна хотела строго сказать: «Глупости!» Хотела крикнуть: «С какой стати!» Хотела добавить: «Я не хожу в рестораны с незнакомыми людьми!» Но мозг подал совсем другой сигнал, губы против воли растянулись в улыбку, а предатель язык вкупе с гортанью сочинил такую фразу:

– Ну... если вы настаиваете. Если вам так хочется... То почему, собственно, нет?

Вечером Яна сказала дочери:

– Ужинай одна. Картошку можешь не греть. В холодильнике есть твои любимые чипсы и все для бутербродов. Не забудь йогурт. Буду поздно. У меня свидание.

– Деловое? – спросила Соня, она привыкла к вечерним отлучкам матери.

– Деловое, – согласилась Яна и задумалась, рассматривая себя в зеркало.

Конечно, деловое. Яна должна разобраться, какая роль отведена пшеничному красавцу в таинственной истории. Есть и другая сторона медали. Она имеет право развлечься немножко. Сколько можно гнать от себя представителей сильного пола? После Ашота у нее никого не было. Соблю-

дать траур – не из нашей жизни. Просто мужики ей вдруг опротивели. Нет, этот красный цвет, пожалуй, слишком экзотичен. Для первой встречи мы найдем что-нибудь немаркое. Вот этот рябенький костюмчик... Пока можно носить брюки в обтяжку, будем показывать ноги... и супертонкий поясок для завершения образа. Макияж сделаем теплый, в бронзово-коричневых тонах... кажется, так уже не носят. И плевала она на них! Что она, девчонка, что ли, чтобы розовым мазаться!

Ресторан был, конечно, дорогой, но цены имел, как говорила Вероника, снисходительные. Не будем называть ресторан по имени, чтобы автора потом не обвинили в создании рекламы для этого вместилища кулинарных тайн и дизайнерских красот. Размещался он в старинном, великолепно отреставрированном особняке. Каким-то чудом во времена оны его не передали вместе с землей посольству Уганды или Марокко. Он остался собственностью Москвы, превратился в коммунальный клоповник, совершенно опростился, обветшал. А потом ушлые люди рассмотрели под побелкой, фанерной пристройкой и копотью породистые формы в стиле ампир. Высокие, с полукруглыми навершиями окна приобрели прежний вид, ожил декор из мозаики, в чугунные кружева оделся парадный подъезд. Приятно, знаете...

Столик стоял у окна, и долго, споря с приглушенным светом настольной лампы, полыхал сквозь ветви кленов оранжевый закат. Музыка... Мелодия лилась, казалось, с потол-

ка. Неспешные перемещения официантов напоминали движение теней – ни слова, ни шороха, ни скрипа. И даже принимая заказ, официант не позволил понять, какой же у него тембр голоса – бас или тенор. А Сержио суетился в полной мере: «Что будем пить? Водку заказать? Говорят, у русских без водки не обходится ни одна еда. А что на горячее, что на холодное?..»

– Да что угодно. Целиком полагаюсь на ваш вкус, – царственно сообщила Яна. – Только омаров не надо. Я не умею их есть. И вообще я одета не для омаров, – добавила она кокетливо. – Я люблю еду попроще.

Сержио не внял ее совету. Наказывал всяческой экзотики. Зачем ей суп-похлебка с кусочками крабов? И, конечно, фаршированное авокадо: веером выложенные на блюде белые маслянистые ломтики с кальмарами внутри. Куда же нам в России без авокадо? Вообще за столом было много даров моря. Сержио объяснил это привычной склонностью итальянцев к рыбным блюдам. Но зато на горячее была «райская птичка», а попросту говоря, индейка под апельсиново-ананасовым соусом.

Как ни странно, Сержио явно стеснялся Яны, он все время теребил салфетку и никак не мог съехать с темы, которую тоже выбрал, видимо, от застенчивости. Бархатым голосом с симпатичным акцентом он сообщил, что русские как дома, так и за границей по недомыслию и беспечности отдают предпочтение курам, которых есть ни в коем случае нельзя,

понеже оные куры для скорого набирания веса вскармливаются анаболиками. Еще Яна узнала, что индейка выгодно отличается от этих дурех-кур. Замечательную птицу, то бишь индейку, откармливать анаболиками совершенно невозможно. Она попростудохнет. Поэтому индейка – экологически чистая пища. Индейку надо есть утром и вечером.

Вот ведь зануда, думала Яна, насмешливо щурясь. А под глазами у мальчика, если всмотреться, уже морщинки веером разбегаются. И волосы у него вовсе не пшеничные, а цвета прелой соломы. Красивый цвет, необычный... а у корней – темнее. Батюшки, да он крашеный, как она раньше не сообразила!

– Напичканных анаболиками кур особенно не рекомендуется есть женщинам. Я не на беременность намекаю, хотя это может быть самое главное. Но если мы едим этих раскормленных кур, то на нас тоже действуют анаболики, и мы толстеем, как на дрожжах. Мужчине на это может быть наплевать, но женщине – ни в коем случае.

И дальше, дальше... печень нельзя есть, потому что она – фильтр, задерживает всякую дрянь, накопившуюся в организме, почки тоже не рекомендуется употреблять в пищу, потому что вспомните об их функции, и вообще говядина – яд, потому что всюду ящур и коровье бешенство.

– Знаете, Сержио, жить вообще вредно, – потеряв всякое терпение, перебила его Яна. – Я, с вашего позволения, закурю.

– О, пожалуйста. Можно было и не спрашивать.

– А я все-таки спрошу. Вы от табачного дыма-то не задохнетесь? А то пробудится язва желудка, обострится плоскостопие и вспыхнет кожная аллергия. Вдруг вас потом чирьями закидает?

– Что вы такое говорите, Яна Павловна, – опешил итальянец. – Делайте что хотите. Умоляю вас – будьте раскованны.

Выпили, закусили. Сержио несколько отмяк, в глазах появился прежний восторг.

– Ладно, давайте раскованно знакомиться, – снизошла Яна. – Вы говорили, что занимаетесь бизнесом.

– Да, делаю обувь. Вся Италия помешана на обуви. После Муссолини и войны мы были очень бедными. Всем хотелось быть нарядными, и мы начали с ног. Дела пошли успешно, и Италия стала в обуви законодателем мод.

– Откуда вы так хорошо знаете русский?

– А я русский – по матери. Матушка моя попала в Италию во времена хрущевской оттепели. Помните такой термин?

– Я-то помню, потому что книжки читаю. Но слушать из уст итальянца про русскую оттепель – смешно. А сейчас у нас что, по-вашему: морозы или сосульки?

Он рассмеялся.

– Сейчас у вас в России – большие холодные цунами, – и тут же посерьезнел: – А вы чем занимаетесь, Яна Павловна?

– Художник, – Яна пожала плечами, мол, короткий ответ ничего не даст, а долго рассказывать не хочется.

– Вы были в Италии?

Да, она была в Италии, она приезжала к подруге в Милан, а заодно объездила всю страну. Яна даже сообщила кой-какие подробности, ожидая, что Сержио выдаст себя удивлением или жестом. Она пыталась определить, насколько он осведомлен о ее персоне, но тот только вежливо и доброжелательно улыбался, задавая нейтральные вопросы.

– Вы надолго в Москве?

– Как пойдут дела. Может быть, месяц, а может быть, и дольше.

– Сержио, давайте откроем карты. Что вы хотите от меня, скажите честно?

– Я хочу сидеть с вами в ресторане, смотреть в ваши глаза и радоваться жизни.

– И часто вы собираетесь эдак радоваться?

– Каждый вечер.

– Почему вы не добавляете – и каждую ночь?

Итальянец шумно вздохнул, залпом выпил вино и только после этого широко улыбнулся.

– Это подразумевается само собой.

– У вас на Западе сложилась ложная предпосылка, что в России все женщины доступны. Уверяю вас, это вовсе не так. Это у вас была сексуальная революция, а у нас просто экономические трудности. Раньше общаться с иностранцами нам запрещало КГБ.

– Теперь не запрещает?

– Теперь не запрещает. Но я не желаю заводить шашни с представителями других держав. Кто знает, что у вас на уме?

– На уме у нас то же самое, что и у ваших соотечественников. Но я категорически против слова «шашни». Если, конечно, я его правильно толкую.

– Ого... Так у вас по отношению ко мне серьезные намерения?

– Именно.

– Любовь с первого взгляда? Тогда женитесь!

– Я согласен, – быстро сказал Сержио.

Яна расхохоталась.

– Согласны жениться на мне? Вот умора! Спорю, что вы согласны жениться, но только не завтра, потому что у вас временные затруднения. Например, как раз сейчас идет бракоразводный процесс.

– Как вы догадались? – мрачно спросил Сержио. – Дела мои обстоят именно так – я развожусь.

– Позвольте еще вопрос, – не унималась Яна. – Мы с вами встретились в Лефортово, в Бригадирском переулке. Как вас туда занесло?

– Судьба, наверное, – сказал он чистосердечно. – Там живет сестра моей матушки. Я наносил ей визит. И чем, простите, Лефортово хуже или лучше другого места?

Яна закурила четвертую сигарету и поняла, что нервничает. Или она в самом деле сошла с ума? Этот Сержио выглядит таким простодушным. Неужели она обозналась? Пра-

вильно говорят художники, что фотография может легко ввести человека в обман. Это хороший портрет делает человека действительно узнаваемым. Портрет запечатлевает значительный кусок жизни, а фотография – только миг. Свет не так упал, позирующий поморщился, обиделся, губу закусил – и вот ты уже похож не на себя, а на соседа из пятой квартиры. Недаром на границе чиновники десять раз на тебя взглянут, сличая с фотографией.

А Сержио тем временем опять вцепился в салфетку и бубнил на одной ноте, что он хочет видеть ее каждый день, он хочет гулять с ней в парке, ходить на выставки, кататься на катерах или лодках по Москве-реке, он также хочет покупать и дарить ей красивые вещи...

– Вот последнее не надо! – прикрикнула Яна. – И в ресторанах я плачу за себя сама.

Здесь она откровенно врала. Никогда в жизни она не платила за себя в театрах, казино и ресторанах, но в глазах итальянца ей хотелось выглядеть сильной и удачливой. И еще она его боялась, хоть и уговаривала себя, что это просто нервы. Иногда вдруг глянет искоса, и у Яны неизвестно откуда появляется ощущение, что белобрысый Сержио только играет в застенчивость, а на самом деле он совсем не такой. А какой? Крутой, только ваньку валяет.

Танцевали, да... Он очень нежно держал Яну за талию. Во время танца Яна поинтересовалась, не занимался ли он когда-нибудь нефтью. Ах, нет? А со многими ли русскими

бизнесменами он знаком? Ах, со многими?

– Вам нужны фамилии? – спросил вдруг Сержио деловым и несколько отчужденным тоном.

– Нет. Не нужны, – отрезала Яна. – Это я просто к разговору.

– Завтра мы пойдем куда-нибудь?

– Нет, завтра я занята.

– А послезавтра?

– Посмотрим.

– Вы дадите мне свой телефон?

– Лучше вы дайте номер вашего мобильного. Когда я буду свободна, я вам позвоню.

За весь вечер Яна так и не поняла, хочет она продолжения отношений или нет. Естественно, она попретя с ним в парки и на выставки, потому что это нужно для дела. А если бы не было дела? Если бы она могла поверить в его искренность, приняла бы знаки внимания и все прочее? Наверное, все-таки да. Хотя хочется ответить – нет.

Такси подвезло их к самому дому. У подъезда под фонарем он нацарапал на клочке бумаги строчку цифр – свой мобильный телефон. Уже дома на кухне Яна посмотрела на эти цифры, последними из них были 78. Они что – сговорились? Так чей же номер был записан на испорченной странице чужой записной книжки – Сержио Альберти или Ашота?

До чего дожили, – ворчала на следующее утро Яна, сидя перед компьютером и лениво стуча по клавишам, – уже не она учит заказчика, а он ее.

Клиент хочет, видите ли, чтобы в его доме все подчинялось «цветовой оркестровке». Начитался глянцевого журналов и лепит текст, не вдумываясь в его смысл. А попросту говоря, он любит все оттенки синего и розового, а жена предпочитает желтый и зеленый цвета. «Вы должны все сделать так, чтобы угодить и ей, и мне», – говорил он тоном приказа – маленький, толстый, эдакий Наполеон из Конькова-Деревлева. Угодим, куда денешься. Тоже мне, бином Ньютона. Только не делай мне закидоны про цветовую оркестровку. Желтое и зеленое... стало быть, кухня в цитрусовом стиле. Лимоны на занавесках, подсолнухи на картинках, скатерку сообразим белую в желтую полоску или желтую в белую... это без разницы. Мы вам создадим современный интерьер. Мы и сами знаем, что «респектабельная классика полированного дерева» отошла в прошлое. Иные, правда, еще цепляются за привычный стиль...

В разгар работы вдруг позвонил Борис.

– Яночка, голуба моя, сделайте одолжение, спуститесь в курилку, а лучше на улицу в скверик. Есть разговор.

– Получилось? – взволнованно спросила Яна, думая о за-

шифрованном диске.

– Да как вам сказать... Здесь на наш сайт какое-то странное письмо пришло для госпожи Яны.

– Прочитайте.

– Нет. Я жду на лавке.

В утренний час народу в сквере почти не было. Около песочницы на детской площадке важно бродила пара голубей. Стоило им отыскать какой-нибудь корм, как к ним тут же слеталась нахальная ватага воробьев. Прежде чем начать разговор, закурили. Поймав Янин взгляд, Борис сказал:

– Вот эти – мелкие, моего племени, а вы – в сизом воротнике, неприступная. Я рядом с вами прыг-прыг – и все мимо.

– У второго голубя лапа подбита. Разве не видите?

– Вижу. Но осанки не потерял. И даже если ему обе ноги подбить, сизокрылая красавица все равно предпочтет его любому воробью.

– Ой, Борь, такие комплименты с утра для меня слишком изысканны, а потому непонятны. Давайте к делу.

– К телу! – согласился тот и протянул свернутый в трубочку лист бумаги, который держал в руке. – Я распечатал послание, но само письмо не стер, так что, если хотите, можете потом сами прочитать на мониторе.

Послание было отпечатано на хорошей бумаге, великолепным шрифтом, а потому придавало нелепому содержанию некоторую книжность и значительность. «Госпожа Яна Павловна! Я знаю вашу тайну. Я человек реальный, поэто-

му не буду заламывать безумную цену. Пять тысяч долларов за молчание вас устроит? Пошлите одно только слово – “согласна” (далее шел компьютерный адрес). Сообщите также адрес вашей личной электронной почты. С уважением. Доброжелатель».

Борис деликатно молчал, и на том спасибо. В голове Яны пронеслись неясные образы и сцены. Первым всплыло невозмутимое лицо Рейтера, пухлые щеки, мягкая, как диванный валик, жировая складка на затылке. Он в реанимации, но это ничего не значит. Если бы ему было надо послать письмо, он бы нашел способ это сделать. Но Рейтер человек серьезный и никогда не будет посылать такие глупые тексты. И уж тем более предлагать подобную цену, если речь идет о миллионах. Ясно, что писал случайный человек. Рейтер в бреду мог проболтаться, медсестра могла услышать, а теперь шантажирует... Глупости, Яна совершенно уверена, что Генка не знает ее тайну. Знал бы, давно бы за горло схватил.

– Что, Боря, что? Прости, я прослушала, – она сама не заметила, как перешла на «ты».

– Я спросил, что вы думаете по этому поводу?

– Кто может находиться по этому компьютерному адресу?

– Да кто угодно. Стало быть – это не первоапрельская шутка? Мать, а ведь тебя шантажируют. – Борис еще пытался шутить, но, глядя на взволнованное лицо Яны, посерьезнел. – И какими тайнами вы располагаете?

«Нет, здесь ветер дует не из больницы и не из офиса со

звучным названием “Феникс”».

– А не может твой рекламный брательник со мной шутки играть? Этот кучерявый, как его – Кирилл?

– Признаться, я о нем тоже подумал. Вернее, не о нем, а о ситуации. Сам Кирилл никогда не будет заниматься шантажом. Но глупости он подвержен, как все нормальные люди. Вопрос здесь в том, что на диске.

– Это не моя тайна. У диска есть хозяин. И вообще, я не хочу на эту тему говорить.

– Так пусть за нее хозяин и платит.

– Но ты допускаешь мысль, что это твой брат дурака валяет?

– Понимаете, Яночка, очень часто, взламывая пароли, молодые хакеры, поскольку это работа трудоемкая, делят информацию на части. И каждый играет со своим куском. Я просил Кирилла, чтобы он не делал этого. Но он молод, глуп и азартен. Он мог кого-нибудь подключить к этому делу.

– Звучит правдоподобно. Этот некто даже не знает моей фамилии, иначе он непременно назвал бы ее. Он знает только мой рабочий адрес. То есть в его руках как раз те сведения, которыми располагает Кирилл. А скажите, информация с диска может расползтись по интернету?

– По интернету может расползтись все, что угодно.

– Но это же ужасно! Я вовсе не хочу, чтобы содержание диска стало достоянием всех.

– А оно и не станет. Виртуальный мир обширен, как все-

ленная. Но чтобы найти что-то секретное, нужно знать точный адрес. А ваш шантажист – умный хакер. Он хорошо запрятал плоды своей работы. Думаю, что он даже Кирилла в известность не поставил. Но все это только мои домыслы.

– Что же мне делать?

– Яночка, разве могу я вам дать в этой ситуации разумный совет? Вопрос в том, сможет ли автор послания воспользоваться информацией на диске вам во вред.

– Не знаю.

– Он может сделать это только в том случае, если на диске есть адрес людей, которым позарез нужна информация. Кто эти люди?

– Это очень смешно, но и этого я не знаю.

Борис вдруг взял руки Яны в свои, вздохнул глубоко.

– Я не хочу быть настойчивым, но мне хотелось бы знать, не угрожает ли вам опасность. Это раз...

– А два? – спросила Яна.

– Нужна ли тебе моя помощь, – сказал Борис, твердо переходя на «ты».

– Как это говорится, – грустно засмеялась Яна, – я буду иметь в виду.

– Я поговорю сегодня с племянником и вечером позволю. Лады?

На этом и расстались. Яна продолжила конструировать интерьер кухни и через три минуты неожиданно для себя обнаружила, что на холодильнике в зеленой вазе сидят две ке-

рамические равновеликие птицы. Носатый, желтый, в натуральную величину воробей был похож на канарейку, а сильно уменьшенная голубка мерцала синими и фиолетовыми оттенками. А что? Неплохо. Интонацию легкой непринужденности придаст зеленая, как елка, свеча. Добавим еще муляжных фруктов, и получится симпатичный, с философической направленностью объект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.